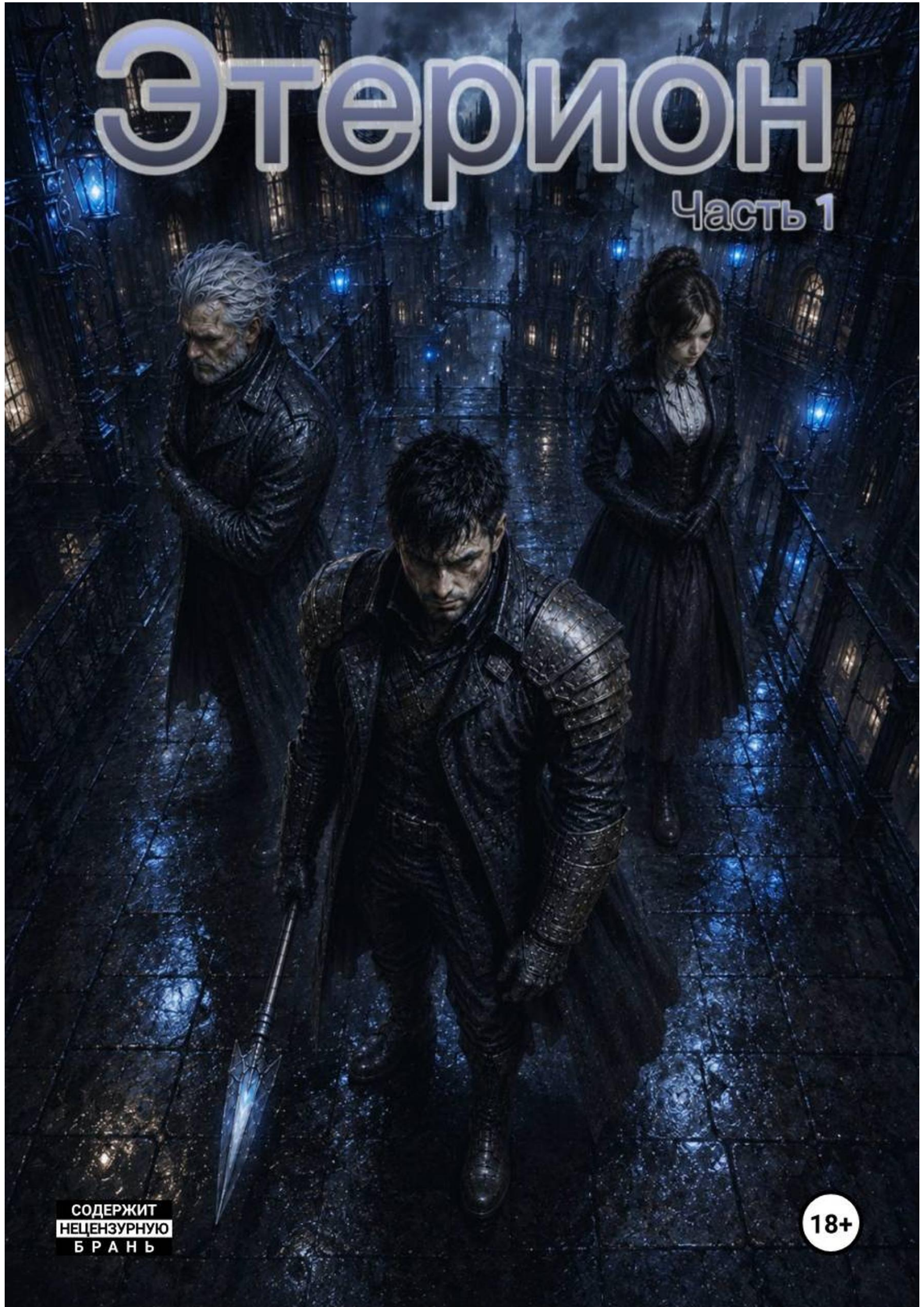

Этерион

Часть 1

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Шамсонов

Этерион

«Автор»

2026

Шамсонов А.

Этерион / А. Шамсонов — «Автор», 2026

Воздух Айронфорджа пропитан копотью и отчаянием. Здесь люди рождаются, гнут спины на заводах и умирают, так и не увидев чистого неба. Сандор — один из них. Но когда его семья оказывается на грани, он подписывает контракт с «Серыми плащами» — армией изгоев, где простолюдинам уготована роль пушечного мяса. Его наставником становится циничный пьяница, который учит не чести, а выживанию. Однако под слоем грязи и перегара скрывается тайна, способная потрясти самые основы Гипериона. Сандора ждёт не просто служба. Ему предстоит узнать, какова истинная цена магии, чем на самом деле являются эфирные кристаллы и почему прошлое никогда не умирает — оно лишь ждёт своего часа.

© Шамсонов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Небо затянутое смогом.	5
Глава 2. Легкие деньги.	10
Глава 3. Новый дом.	15
Глава 4. Крещение ветром.	21
Глава 5. Повороты судьбы.	27
Глава 6. Пьяный мастер.	32
Глава 7. Маленькие перемены.	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Александр Шамсонов

Этерион

Глава 1. Небо затянутое смогом.

Воздух был густым, как бульон, и таким же мало пригодным для дыхания. В нём буквально плавали крупинки пыли, едкие пары расплавленного металла и вездесущая влажная жара. Летом она душила особенно сильно, а подобие дорог — смесь грязи и копоты — цвета в этот «праздник жизни» не добавляли.

Таков был Айронфорд — огромный промышленный город-район империи Гиперион. Заводы и фабрики занимали здесь две трети всего пространства. На оставшуюся часть приходились жилые дома, небогатые на ассортимент рынки и редкие лавочки, предлагающие услуги по ремонту одежды и обуви. Все простолюдины Гипериона тут рождались, тут гнули спины на благо империи и тут умирали. Небольшие магазинчики от изобилия тоже не страдали. Самые лучшие продукты и выпивка уходили на столы королевской семьи и герцогов; хорошие — сословиям пониже, инженерам и армии; всё, что оставалось, — пролетариату. Даже будь более качественные продукты и одежда на прилавках, работягам они были не по карману. Основной заработок уходил на уплату налогов, покупку доступных продуктов и хозяйственных товаров, починку одежды и обуви. Те крохи, что оставались, прятались под матрасом или пропивались в ближайших пивнушках.

Работниками заводов и фабрик в подавляющем большинстве были мужчины. Женщины в силу физиологии не выдерживали такого труда, а те немногие, что работали, задерживались недолго. Здоровье быстро сходило на нет; через пару лет, с «убитыми» суставами и спинами, они отказывались от этой затеи и возвращались к домохозяйству. Так и тянулась лямка в эру промышленной революции.

Сандор шёл по проулку на очередную смену. Вязкая мешанина под ногами переливалась под лучами тусклого утреннего солнца. Светило ещё не успело согреть просыпающийся район, а воздух уже был омерзительно тяжёлым и густым. Некоторые заводы работали и ночью, обогащая атмосферу пылью и копотью. Сандор чувствовал себя на все сорок, хотя ему было лишь двадцать пять. Мускулы на руках и спине глухо ныли от постоянного напряжения, лёгкие саднили с каждым вдохом, а в ушах стоял вечный, неумолкающий звон.

Сейчас он снова встанет у главного конвейера — монструозной конструкции из ржавого железа и примитивных эфирно-кристаллических приводов, что с грохотом тащила на себе раскалённые заготовки балок. Со слов бригадира, эти балки должны были пойти на постройку дирижаблей в Креатосе — не менее огромном городе-районе изобретателей и аристократов низшего и среднего сословия.

— Здорова.

Утреннюю хандру Сандора потревожил Винс — мужик постарше, работавший с ним в одной смене. Выглядел он как и большинство работяг: изношенные штаны на подтяжках, одна из которых в его случае безвольно болталась и не менее заношенная, выцветшая рубашка; во рту привычно тлела дешёвая сигарета.

Поравнявшись, Сандор пожал ему руку. Послышался едва уловимый хруст огрубевших мозолей. Теперь нудное хлюпанье под ногами создавали две пары сапог.

— Ну что, молодой? Есть настрой закрыть план в этом месяце?

Лицо Сандора исказила усталая насмешка.

— То-то и оно, — хрипло выпустив облако табачного дыма и сплюнув куда-то в сторону, сказал Винс. — Ни у кого его нет.

Едкое замечание добивало и без того хмурое настроение. «Ониксовый гигант» — сталелитейный завод, на котором Сандор работал последние четыре года, — с каждым месяцем всё сильнее двигался в направлении так называемого «бережливого производства». Простыми словами — трать меньше, зарабатывай больше. На бумаге получались колоссальные цифры экономии и прибыли, которые очень радовали владельцев, а на деле оборачивались закупкой самых дешёвых эфирных кристаллов, не способных обеспечить нормальную работу узлов и механизмов. Вследствие чего всё оборудование работало внатяг, часто заедало и ломалось, а недостаток мощностей восполнялся ломками и кувалдами в руках рабочих.

— Уже месяцев пять нормальной премии не видели, — Сандор устремил бесцельный взгляд куда-то в небо. — План вроде такой же, только хрен ты его выполнишь с этой их «бережливостью».

Винс выпустил последнюю струйку дыма и швырнул окурок себе под ноги.

— Увы, коллега, из альтернатив у нас только другой завод, а они теперь все под одну гребёнку. Тут хоть знаем, куда лом подсовывать, — лицо Винса исказила саркастическая улыбка.

Чем ближе они подходили к заводу, тем гуще становился и без того тяжёлый воздух. На горизонте уже виднелась проходная — единственная не пропитанная копотью часть комплекса, создавая иллюзию благородного и достойного места. На подступах к ней мимо пронеслась карета, запряжённая лошадьми, и остановилась у входа. Из неё вышел невысокий полный мужчина — барон Лэмворт, заместитель директора. Аристократы в Айронфордже приезжали в двух случаях: для выдачи жалования и для проверок. В голове Сандора сразу закрепилось заключение — до жалованья ещё неделя, значит, опять будет полдня брезгливо шататься по цеху и искать, к чему докопаться, чтоб урезать премию. Рабочий настрой Сандора на сегодняшний день неумолимо таял.

Пройдя через проходную, Сандор шёл заученным маршрутом. Казалось, за эти годы он выучил его настолько, что мог идти с закрытыми глазами. Прямо вперёд, пока не упруешься во вход в цех, затем направо. Там будет длинное помещение с кучей железных шкафчиков для рабочей одежды. Войти внутрь, протолкнуться сквозь спины коллег, найти шкафчик с номером 814, снять с себя покрытые коркой грязи ботинки, заношенные брюки на подтяжках и такую же белую рубашку с вечно закатанными рукавами. Затем облачиться в пропитанные копотью «говнодавы» и выцветшую от грязи и пота робу. И вот теперь в этих «доспехах» воина производства вернуться ко входу в цех.

Сделав шаг внутрь, Сандор уже услышал знакомый аккомпанемент. Цех запускался, ритмично звеня и лязгая металлическими узлами агрегатов. Внутри он был похож на живой стальной организм, в котором словно микробы копошились рабочие. Огромные узлы агрегатов, движущиеся цилиндры, пышущие паром клапаны и лабиринты лестниц, уходящих вверх. Всё это работало от энергии эфирных кристаллов, чей тусклый свет едва пробивался сквозь пелену металлической пыли, летающей в воздухе.

Сандор невольно зевнул, и во рту сразу почувствовался едкий железистый привкус. Он работал оператором рампы эфирной резки. Вся суть сводилась к тому, чтобы стоять на мостике, с которого свисали запитанные кристаллами сопла, и вовремя дёргать рычаги. После чего энергия аккумулировалась и создавала плазменный луч, делящий бесконечно ползущую заготовку на мерные длины. С началом экономии на кристаллах рампа частенько не дорезала заготовку, и приходилось быстро слезать с мостика и дорезать её вручную, потев и обжигаясь вблизи раскалённого металла. Немного грела мысль, что не пришлось работать на верхнем ярусе, где располагался сталь-ковш — огромная бронированная ёмкость с расплавленным металлом. Металл из ковша проходил сквозь зоны охлаждения и по роликам тянулся к рампе, на которой работал Сандор. Как любили шутить его коллеги, мужики там реально «выгорали на работе».

С самого утра время, как назло, вяло тянулось. На фоне шума шла вечная битва рабочего: до обеда — с голодом, после обеда — со сном. Так бы и продолжалось дальше, если бы в какой-то момент отсутствующий до этого источник света не начал слепить глаза.

Сандор лениво поднял взгляд — и сонливость как рукой сняло. Броня сталь-ковша прогорала, и сквозь неё уже ярко сияла маленькая точка, постепенно разрастаясь. Похоже, на кристаллах, энергия которых подавала воду для охлаждения брони, тоже решили сэкономить. Недостаточная циркуляция привела к тому, что все излишки тепла собрались в одну точку и прожгли стенку.

Хуже было то, что в этот момент внизу находился механик. Сидя на корточках, он ковылял в вышедшем из строя цилиндре и не видел того, что происходит сверху.

— Эй! Внизу! Уходи оттуда! — Сандор орал так громко, как только мог, но вездесущий металлический лязг и грохот сводили все старания на нет.

Механик его не слышал, а дыра тем временем начинала разрастаться всё быстрее. Струйка металла потекла из образовавшегося отверстия и, ударяясь о каменный пол цеха, разлеталась раскалёнными каплями. Наконец надвигающуюся катастрофу начали замечать остальные работяги. Счёт шёл на секунды.

Сандор рывком перемахнул через перила мостика и приземлился на узкие проходы между ползущими заготовками. Горячий воздух в ту же секунду начал обжигать ноги. Он перескакивал с прохода на проход в сторону механика, размахивая руками.

— Твою мать! Беги!

Наконец его крик преодолел грохот конвейера и коснулся ушей незадачливого мужика. Тот обернулся и едва не потерял дар речи. По броне сталь-ковша уже расползались трещины, а струя становилась больше похожа на ручей. Ещё мгновение — и послышался глухой хлопок. Броня не выдержала и лопнула, выпуская многотонную волну жидкого белого металла в пространство конвейера.

— Быстрее, блять!

За несколько секунд, пролетев полосу препятствий, Сандор схватил механика за шиворот рубы и рванул его вверх, поднимая на ноги. Огромная, жидкая и раскалённая смерть ударилась о пол за их спинами. И без того горячий и тяжёлый воздух внутри цеха в одно мгновение стал в два раза жарче. Двое несчастных что есть сил неслись к спасительной лестнице, оставляя за собой куски расплавленной подошвы огнеупорных ботинок.

Запрыгнув на лестницу как в последний вагон, они выбросили тлеющую обувь и рухнули на лестничный пролёт, жадно глотая воздух, пропитанный едкими газами. Кто-то дёрнул аварийный рубильник и включил систему пожаротушения. Из-под крыши хлынула вода, и всё пространство заволочло густым паром, шипением и искрами.

...

Обстановка в кабинете мастера была, мягко говоря, напряжённой. Сандор на пару с механиком сидели на табуретках, приподняв над полом обожжённые ноги. Вокруг них стояла вся смена, выслушивая обращённую к ним истерику. Барон Лэмворт рвал и метал, а бригада вынуждена была слушать, опустив глаза.

— Никчёмные дармоеды! Да вы хоть представляете, сколько денег будет стоить восстановление всего оборудования, которое вы сегодня похерили? — Казалось, этот низкорослый полноватый мужчина создавал шум за десятерых; его и без того высокий голос почти срывался на визг.

Сгорбленный долголетним трудом Джим, старший смены, сделал шаг вперёд и тут же поймал на себе озлобленный взгляд барона.

— Ты, смотрю, самый смелый! Есть что сказать?

— Я... я ведь уже несколько раз писал рапорты о том, что новые кристаллы не вырабатывают достаточной мощности. От этого агрегаты постоянно работают в перегрузке. Вот и...

— Заткнись! — Голос барона всё-таки сорвался на противный скрипучий визг. — Можешь оставить себе свои оправдания! Рапорта он писал!

Запыхавшийся от собственных воплей заместитель тяжело выдохнул и натужно выпрямился, поправляя воротник пиджака. Он взял со стола лист бумаги и протянул его Джиму.

— Значит так. Раз ты у них старший, значит, должен был предвидеть и предотвратить. Все затраты по устранению аварии и ремонту будут взысканы из жалованья тебя и твоей бригады. А раз уж так любишь писать — пиши объяснительную и заявление на увольнение.

Бедняга Джим с горечью в глазах взял лист и опустил голову. Работяги переглядывались между собой, ошарашенные несправедливостью. Однако подать голос больше никто не решался. Их уже лишили средств к существованию, а возможная потеря работы забила бы последний гвоздь в крышку гроба.

Барон Лэмворт с презрением осмотрел присутствующих и, развернувшись, направился к выходу.

— А жить нам на что следующий месяц? — выдавил, стоявший у всех в горле вопрос, Сандор.

Барон медленно развернулся, сделал пару шагов и надменно вперился в него взглядом.

— Точно, — с усмешкой протянул он. — Ты же у нас отличился. Благодаря тебе хоть не придётся строчить кипу отписок наверх за смерть на производстве.

Он гадко улыбнулся и бросил под ноги Сандора одну золотую монету.

— Держи! Премия.

После чего развернулся и быстрым шагом вышел, хлопнув дверью с такой силой, что со стен посыпалась старая краска.

В кабинете повисла тишина. А Сандора душили злость и обида — с такой силой, что вздувались вены на висках. В голове крутилась лишь одна мысль: вот бы удавить эту маленькую надменную мразь. Здравый смысл едва сдерживал эту бурлящую ярость. За рукоприкладство простолоудина в сторону аристократа, даже самого низкого, было одно наказание — смертная казнь.

Джим горько улыбнулся, глядя на Сандора.

— Выдохни, он того не стоит. Вы, ребята, посидите немного и идите домой, сегодня с вас хватит. А мы с парнями начнём разгребать это всё.

Старший, понуро опустив голову, побрёл к выходу; остальная бригада двинулась за ним. Кто-то, проходя мимо, похлопал Сандора по плечу. Через пару минут в кабинете остались только двое.

— Я ведь даже не поблагодарил тебя. Спасибо, — отозвался не до конца пришедший в себя механик. — Если бы не ты, от меня бы даже пепла не осталось.

Сандор безвольно сверлил взглядом потолок.

— Всегда пожалуйста.

— У меня ведь дома жена и дочка. Если б я помер, даже не представляю, как бы они...

— А как теперь без денег? — голос Сандора был полон отчаяния.

— Главное — живы остались. А деньги уж как-нибудь раздобудем, — механик протянул ему руку. — Меня, кстати, Сэм зовут. Мы же с тобой не знакомы. Я из другой смены, сегодня в дополнительную вышел.

Сандор пожал ему руку, выдавив слабую, но искреннюю улыбку.

— Сандор. Рад знакомству.

Потратив некоторое время на перевязку ног бинтами из аптечки, они побрели к выходу из цеха, по дороге тихо кряхтя и матерясь от боли.

Доковыляв до помещения со шкафчиками, они переоделись и хмуро сидели на скамейке. Первым встал Сэм.

— Ладно, я пойду первым. Надо ещё придумать, как жене это всё подать, чтоб не волновалась больше нужного.

— Бывай, — Сандор поднял руку в знак прощания, когда Сэм скрылся за дверью.

И что теперь? Чуть сам там не зажарился, но хоть совесть в порядке. Зайти, что ли, к родителям? Давненько не заходил. Но матушке лучше о случившемся не знать.

Путь обещал быть долгим. Боль от ожогов не утихала и плотно обволакивала ноги при каждом шаге. День в Айронфордже продолжался своим чередом. Шпана и немногочисленные прохожие топтали грязь на улицах, заводы и фабрики выпускали в небо смог. Все эти маленькие и незначительные винтики продолжали крутиться в «машине прогресса» Гипериона.

Глава 2. Легкие деньги.

Каждый шаг по грязным, замызганным улицам Айронфорджа отзывался в ногах Сандора тупой, навязчивой пульсацией. Он провел здесь всю свою сознательную жизнь и знал эти переулки вдоль и поперек. В детских воспоминаниях они не казались такими узкими. Да и небо, затянутое клубами смога, не так сильно давило на голову. Детский разум не замечал всех этих тягот, будто делая картинку более яркой и менее депрессивной.

Сандор шел, почти не глядя по сторонам, механически переставляя ноги. В ушах, несмотря на уже далекий грохот завода, всё ещё стоял надоедливый звон, смешиваясь с отголосками визгливых криков барона Лэмворта.

Раздражение подпитывала единственная золотая монета, которую он сжимал в кармане. Та самая «премия», брошенная ему под ноги с таким презрением. Она обжигала ладонь сильнее, чем расплавленный металл. Эта монета была не платой за спасенную жизнь, а унижением, печатью его ничтожности в глазах тех, кто управлял его миром.

Он сворачивал в лабиринты все более узких и кривых улочек, где кирпичные стены домов почти сходились друг с другом, отбрасывая глубокий, вечный полумрак. Воздух здесь был другим — не едким заводским смогом, а однородной смесью запахов сырого белья после стирки, свежесваренной похлебки и затхлости. Это был запах безысходности.

Дом, в котором он провел детство, стоял в ряду таких же облупленных, пропитавшихся сыростью строений. Сандор постучал по скрипучей двери, и через пару мгновений послышались шаги.

— Кто там? — из-за двери донесся слабый женский голос. — Это я, мам. — Сандор? — В дверном проеме появилась Элис, его мать. Еще не старая женщина, но годы тяжелого труда и постоянной борьбы за выживание согнули её спину и покрыли лицо сетью преждевременных морщин. В руках она держала полотенце. — Что ты так рано? — начала было она, но взгляд её упал на его ноги, на грубые самодельные перевязки с багровыми пятнами, торчащие из-под ботинок. Женщина словно сжалась от беспокойства. — Сандор, что случилось? — Успокойся, мам. Небольшой ожог на работе, — он постарался сказать как можно будничнее, отводя взгляд. — Отправили домой, отлежаться.

Он прошел в основную комнату — небольшое помещение, одновременно служившее гостиной и столовой. Воздух здесь был тяжелый и спертый, с привкусом лекарственных трав.

— А где отец? У него сегодня смена? — Он дома... — Элис опустила глаза и нервно перебирала в руках полотенце. — Мам? — Сандор знал эту привычку матери наизусть. Она никогда не умела скрывать переживания и при любой плохой ситуации начинала что-нибудь перебирать в руках.

Женщина шагнула вперед и легонько коснулась его руки.

— Сынок, мы пока не хотели тебе говорить, у тебя сейчас и так забот хватает, — её вид был заботливым и вместе с тем виноватым. — Он в спальне...

Сандор прошел в соседнюю комнату. В кресле у потухшего камина сидел его отец, Гаррет. Когда-то он был таким же крепким и широкоплечим, как Сандор. Теперь же казался тенью самого себя. Плечи ввалились, кожа приобрела неприятный землистый оттенок. Но самое страшное — это был кашель. Глухой, лающий, раздирающий грудь изнутри звук, который почти не умолкал. Профессиональная болезнь подавляющего большинства работников заводов. Пыль и ядовитые пары цеха медленно, но верно пожирали его легкие. Рядом на табуретке стояла кружка с отваром.

— Здравова, боец, — хрипло выдохнул Гаррет, с трудом подавив подкатывающий приступ. Его глаза, все ещё живые и умные, с беспомощной тоской смотрели на Сандора. — Как давно? — Сандор с жалостью и негодованием смотрел на отца. — Да последних лет пятнадцать,

— покашливая, попытался отшутиться Гаррет. — Ничего смешного. — А ты на меня так не зыркай! Не в меру взрослый стал! Рано или поздно здоровье должно было кончиться.

Гаррет всегда был таким. Вечно ворчал на сына, когда тот пытался выглядеть взрослее, но делал это по-отечески, беззлобно.

— Пойдемте лучше пообедаем, раз зашел, — крихтя, он приподнялся с кресла и не спеша побрел в сторону кухни, шаркая по полу старыми тапочками.

Обед был бесхитростным. Рецепт похлебки Элис был неизменен все двадцать пять лет жизни Сандора. Картошка, лук, капуста и пригоршня специй. Лишь по праздникам в ней плавали небольшие кусочки постного мяса. Первый за долгое время обед в кругу семьи проходил безрадостно.

— Ты был у врача? — Сандор решил прервать молчание. — Был, — Гаррет медленно осушал тарелку с супом. — Это уже не вылечить, можно только потянуть время. В Айронфордже таких лекарств не достать, нужно идти в Креатос, где нас не жалуют. А без них остался год, если повезет — полтора. — Да насрать, жалуют или нет, надо идти! — Пятьдесят золотых, — отрезал Гаррет.

Сандору словно обух на голову опустился. Он отложил ложку и уперся лбом в ладонь.

— Твою мать! Почти три месячных зарплаты. — Сынок, не выражайся за столом, — Элис все так же перебирала полотенце, сказав это скорее в попытке сбить накал, нежели поругать.

Гаррет, развернувшись, взял с полки конверт и бросил его на стол.

— Что это? — с тоской в голосе спросил Сандор.

Закончив с обедом, Гаррет отодвинул тарелку и уперся локтями в стол.

— Вчера принесли. До конца следующего месяца нужно заплатить за обучение Лиама. Двадцать золотых. Но и этих денег нет. — Вечно все проблемы разом, — Сандор откинулся на спинку стула и безвольно смотрел в потолок. — Хорошо, что твой брат в школе и не слышит всего этого, — всхлипнула Элис. — Опять начал бы свою пластинку, что бросит учебу и пойдет работать неважно куда. А куда он пойдет? Ему всего четырнадцать, еще год доучиться нужно. А если бросит — его даже на завод не возьмут, всю жизнь будет конюхом или козлопасом. — Хватит, — прохрипел Гаррет, сдерживая кашель.

По щекам Элис покатались слезы. Сандор чувствовал себя еще более дерьмово, чем когда истеричный барон швырнул ему монету. Болезнь отца, слезы матери и его собственная неспособность помочь добивали. Злость перемешивалась с отчаянием. «Да что это за жизнь такая?» — раз за разом проносилось в его голове. Нужно было что-то делать, и как можно быстрее. Но что? Этот вопрос висел мертвым грузом.

— Не плачь, мам, я что-нибудь придумаю, — Сандор почти врал, никаких идей у него не было. — Вот. Не весть что, но лишним не будет. — Он положил на стол монету и направился к выходу. — Вернусь, как соберу остальное.

Ноги сами несли его к двери — нужно было начинать искать решение уже сейчас.

— Сынок, ты же не собираешься ничего воровать? — продолжала причитать ему в спину Элис. — Мам, прекращай, — бросил он напоследок, закрыв за собой дверь.

Улицы Айронфорджа будто пытались сдавить его. Сандор шел по узким переулкам, сам не зная куда. Во всем этом районе, казалось, не было ничего, кроме чертовых фабрик и заводов. Хоть в самом деле, иди и вору. Где-то вдалеке виднелись крыши особняков и мастерских Креатоса, а еще дальше — едва различимые шпили королевского замка. Его терзали мысли. Родись он аристократом, даже низшего сословия, кем-то вроде барона Лэмворта, был бы он счастливее? Почти наверняка. Получил бы достойное образование, стал бы изобретателем или, тоже будучи чьим-то заместителем, смотрел бы на всех свысока. Разъезжал бы от дома до работы на карете, в дорогом костюме, а не в этих лохмотьях. Но жизнь не была одинаково справедливой для всех. Кто-то с ранних лет стирал руки в кровь, а кто-то рождался с золотой ложкой во рту, не ведая забот.

— Сандор! Сандор! — из рефлексии его выбил взявшийся из ниоткуда Сэм. Судя по разящему перегару, он был уже в изрядном настроении. — Как погляжу, ты, друг мой, еще более хмурый, чем в нашу последнюю встречу. Но! Я знаю, как это исправить! Пойдем в пивнуху!

Сандор тяжело выдохнул. Проблемы никуда не делись. Напиваться не было ни сил, ни желания, ни денег. Но спасенный им механик не желал униматься и буквально тащил его за собой, периодически повисая на нем.

— Сэм, давай в другой раз. Я на мели.— Так я угощаю! Пойдем, пойдем! Я сегодня, можно сказать, второй день рождения отмечаю.

Нужно было отказаться, но истрепанный нервами мозг Сандора требовал хоть какого-то расслабления, и с каждым «Ну пойдем» Сэма рисовал все более привлекательную картинку.

— Ладно! Хрен с тобой, пойдем.

...

«Хмельной поршень» был таким же мрачным и пропахшим пивом, как и его завсегда-таи. Воздух в низком, закопченном помещении был словно едкая смесь из перегара, дешевого табака и пота. Сандор сидел за грубым деревянным столом в углу, сжимая в руке стеклянную кружку с темной, мутной жижей, которую здесь с натяжкой называли темным нефилтрованным. Он почти не притрагивался к ней.

Сэм, напротив, был уже изрядно разогрет. Его щеки горели, а речь становилась все громче и бессвязнее. Он размахивал руками, снова и снова пересказывая историю своего спасения, уже обраставшую невероятными подробностями.

— ...а он, значит, как заорет: «Беги, Сэм, беги!» — орал механик, хлопая Сандора по плечу так, что тот чуть не пролил своё непочатое пиво. — А сам, понимаешь, под эту самую лаву... прямо под неё! Я уж думал, конец нам обоим! Но нет! Он, как тот самый ангел-хранитель, вытащил меня, за волосы, кажется! Или за шиворот... неважно! Вытащил! Выпьем же за моего спасителя!

Сэм поднял свою кружку, и несколько завсегда-таев за соседним столом лениво, из уважения к любому тосту, подняли свои. Сандор лишь кивнул, чувствуя себя не героем, а актером в чужом, нелепом спектакле. Каждое похлопывание по плечу лишь на мгновение выбивало его из круговорота одних и тех же мыслей. Пятьдесят золотых. Двадцать золотых. Цифры плясали у него перед глазами, смешиваясь с клубами табачного дыма.

Он смотрел на других посетителей. Такие же, как он, работяги с потухшими глазами, пытающиеся утопить в выпивке усталость недели, боль в суставах и горечь унижений. Они были зеркалом, в котором Сандор видел отражение своего будущего. Через десять, двадцать лет он будет так же сидеть здесь, с убитым здоровьем, без гроша и без единой надежды. Как его отец.

Мысль о Гаррете, сидящем в своем кресле и медленно угасающем, заставила его сжать кружку так, что костяшки пальцев побелели. Он не мог этого допустить, не мог позволить брату бросить учебу. Но что он мог? Действительно пойти воровать? Его бы поймали в первый же день. Попросить в долг? У кого? Все вокруг тянули ляжку так же, как и он.

В этот момент дверь в пивнушку резко распахнулась, впуслав клубы промозглого уличного воздуха и внушительную фигуру в длинном, потертом, но прочном плаще. Этот человек не был похож на местных. Его осанка была прямой, плечи — расправленными, а взгляд, быстрый и оценивающий, скользнул по залу, словно отыскивая что-то. На плаще, хоть и выцветшем, угадывалась нашивка — скрещенные мечи под щитом, эмблема, которую Сандор видел лишь мельком на одежде стражников у ворот в Креатос. Армия Гипериона — «Серые Плащи». Но настораживало не это. Рядовые солдаты в серых плащах не были диковинкой в Айронфордже. Тот, что вошел, был рангом повыше: в его перчатках и на гарде меча тускло светились небольшие эфирные кристаллы. Офицер.

Разговоры в таверне на мгновение стихли, затем возобновились, но уже с настороженными нотками. Незнакомец прошел к стойке, заказал кружку пива и, неспешно осушив половину, обернулся к залу.

— Слушайте все! — его голос, низкий и прокуренный, легко перекрыл гул. В нем не было ни дружелюбия, ни высокомерия. Лишь уверенность и деловая хватка. — Для тех, у кого еще не отсохли яйца и кто не хочет сгнить заживо в этой вонючей дыре, у меня есть предложение.

Он выдержал паузу.

— Гипериону нужны сильные руки и крепкие спины. Не для того, чтобы таскать мешки, а для того, чтобы держать стальной щит империи! Я вербую в орден «Серых Плащей».

В зале пронесся ропот. Кто-то фыркнул, кто-то скептически покачал головой.

— Не делайте таких умных лиц, — продолжал вербовщик, ничуть не смущаясь. — Я знаю, что вы слышали. Что это грязная работа. Что это кровь и дерьмо. Что карьера простолюдина в армии начинается и заканчивается в пехоте. И вы не ошибаетесь. Так оно и есть.

Его прямому не оценили. Многие пробовали попытать счастье в армии. Но пехота была пехотой. Большинство погибало при первой же задаче посерьезнее патруля. Да и перспектива отдать двадцать лет службы, с призрачным шансом выжить и остаток жизни получать выплаты, мотивировала слабо.

— Но! — он снова повысил голос. — Есть и приятные моменты! Жалование — сорок золотых в месяц.

Он заговорил снова, уже без пафоса, почти по-деловому.

— Первое жалованье — вперед. Половина — сразу при подписании контракта. Остальное — по окончании подготовки в подразделении.

Сандор поднял на него глаза.

— Многие не возвращаются. Это правда. Но те, кто возвращаются... они хотя бы доживают остатки лет не в нищете.

«Половина — сразу». Эти слова прозвучали для Сандора громче любого грома. Двадцать золотых. Прямо сейчас. Этого хватило бы на оплату обучения для брата. А через пару месяцев — и на лечение для отца. Он думал только об одном: чтобы отец прожил дольше, чтобы мать перестала плакать, чтобы брат мог учиться.

Судьба лукаво улыбалась. Хотел быстрых денег? Они прямо перед тобой. Продай половину жизни — и они твои.

От одного из столов донесся пьяный голос:

— Извини, начальник, предложение хорошее, но желающих нет.

Над залом повисла тишина. Солдат хрипло выдохнул и сделал шаг к выходу.

Сандор отодвинул свою нетронутую кружку. Дерево закрипело. Звук показался ему невероятно громким.

— Я... — его голос сорвался. Он сглотнул комок в горле и попробовал снова, глядя прямо на вербовщика. — Я готов подписать.

Вербовщик развернул перед ним контракт и протянул тонкую железную ручку.

— Если есть что взять с собой, можем повременить до завтра. Если нет — пиши своё имя и ставь подпись.

Сэм, сидевший рядом, опешил. Остальные посетители также косо поглядывали на Сандора.

Сандор сделал выдох и, подняв со стола свою кружку, залпом осушил её. Как объяснить это родителям, он не знал. Но эти деньги сейчас были единственным быстрым решением.

Он не был бойцом. Никогда не держал в руках оружия. Не знал, что будет дальше. Но выбор был сделан.

— Вы можете отдать первую выплату моей семье? — Не вопрос, — взгляд солдата был спокойным и даже немного понимающим.

Сандор взял ручку и написал в контракте своё имя.

— Больше желающих нет? — вербовщик обвел остальных взглядом. Ответом была тишина. — Тогда пойдем, — взглядом он указал Сандору на дверь.

Провожаемые взглядами, они покинули «Хмельной поршень».

Глава 3. Новый дом.

За спиной Сандора с глухим стуком захлопнулась дверь «Хмельного поршня», отсекая последний клочок его прежней, хоть и нищей, но понятной жизни. Ночь, черная и маслянистая, как мазут в отстойнике, окончательно вступила в свои права. Воздух стал промозглым, а под ногами грязь, смешанная с копотью, за ночь приобрела прохладную, цепкую густоту. Сандор двигался вперед почти на автомате, его взгляд бездумно уткнулся в потрепанный подол серого плаща, мельтешивший перед глазами. Осознание происходящего отчаянно буксовало где-то в глубине сознания, не желая становиться реальностью. Щелчок огнива впереди, и едкий шлейф дешевого табака скользнул в ноздри, заставив сморщиться.

— Все настолько плохо? — голос вербовщика был низким, прокуренным, в нем читалась не столько жалость, сколько усталое понимание отчаяния. — Как и у всех, судя по всему, раз «Серые плащи» вербуют в помойных барах, — сорвалось у Сандора. Он тут же мысленно выругался — не известно, как его собеседник мог отреагировать на эти слова. Вербовщик, не оборачиваясь, медленно выдохнул струйку дыма. Она рассеялась в холодном воздухе, словно призрак. — Замечание справедливое, — наконец отозвался он, сделав очередную затяжку и продолжая движение. — Но в казарме советую интеллектом не блистать. А то будешь от заката до рассвета пол в сортире щеткой драить. Или «толкать землю руками» на плацу. Понял?

Разговор заглох, похороненный под аккомпанемент никогда не спящего Айронфорджа: далекий гул, металлический лязг, шипение пара — монотонная симфония рабского труда. Полчаса пути до форта растянулись в бесконечность. Решительное «Главное — деньги, а там разберемся» в голове Сандора с каждым шагом мутировало в тягостное: «Нашел. Идиот. Теперь расхлебывай». Он чувствовал себя не солдатом, а грузом, который тащат на утилизацию.

— Может, хоть совет какой дадите? — Сандора снова вынудил заговорить внутренний мандраж. Он запрокинул голову, вглядываясь в мутное, затененное смогом небо, пытаясь сменить хоть картинку перед глазами. — Совет? — очередной щелчок огнива. — Так я тебе его уже дал. Ты же не ребенок. Я думал, что понимаешь, куда вписался. Это не то, что рисуют на вербовочных плакатах. — В его хриплом голосе проскользнула усмешка, лишённая веселья. — Но если тебе от этого легче — я не врал. Не сдохнешь раньше времени, сумеешь доказать, что ты чуть лучше этой хлюпающей под ногами дряни — получишь нашивку, пенсию и остаток дней в теплой каморке, а не в отсыревшей халупе задыхаясь от кашля. Шанс есть. Мизерный, но есть.

После этого они шли молча. Айронфордж остался позади, и Сандор, к своему удивлению, почувствовал, как в легкие наконец-то поступает воздух, а не едкая взвесь. Он почти забыл, что может дышать, не морщась. Вдали, на фоне чуть менее черного неба, начали проступать угрюмые силуэты дозорных башен, острых и безликих, как гвозди, вбитые в тело мира.

Штаб ордена «Серых плащей» не был крепостью из героических баллад. Это был форт, утилитарное и мрачное сооружение, прилепившееся к восточной стене Гипериона, как старая, огрубевшая мозоль. Высокие стены из темного, пористого камня, на котором навечно осела влага и копоть, образовывали неправильный пятиугольник. По углам высились те самые башни, с узкими бойницами, где тускло мигали огни сигнальных фонарей на слабых эфирных кристаллах. Ни изящества, ни величия — только вынужденная необходимость, воплощенная в камне и железе. Ворота, тяжелые, обитые кованными полосами уже потускневшей стали, при их приближении со скрежетом отъехали в сторону. Часовой, увидев вербовщика, щелкнул каблуками и отдал честь движением, отточенным до автоматизма. В его глазах не было ни уважения, ни любопытства — только сонная обязанность.

Войдя внутрь, Сандор попал в иной мир, но столь же безрадостный. Внутри форта царила строгая, полуказарменная геометрия. Площадь, вымощенная грубым булыжником, была пустынна, если не считать замерзших в неподвижности голых деревьев в редких глиняных кадках. Основное пространство занимали длинные, приземистые здания казарм с бесконечными рядами одинаковых заиндевевших окон. От них веяло холодом и скукой. Справа пригнулись конюшни, откуда доносилось фыркание и терпкий запах навоза, лошадиного пота и кожи. Где-то в глубине виднелись кузнечные мастерские — оттуда лился красноватый отблеск и слышались удары молота о наковальню, ритмичные, как биение огромного металлического сердца. Воздух здесь пах не смогом, а ледяной сыростью, дегтем, вареной кашей и железом.

Серый плащ, не замедляя шага, двинулся к боковому входу — низкой, обитой железом двери, рядом с которой, прислонившись к стене, дремал часовой в таком же потертом плаще. Тот открыл один глаз, кивнул своему начальству и снова его закрыл. Никакой помпы, никакой церемонии. Рутинная. Дверь открылась с пронзительным скрипом. Внутри казармы запах сменился на малоприятный коктейль из пота, дешевого мыла, влажной шерсти и плесени, пропитавшей старые деревянные стены. Длинное помещение было слабо освещено тусклыми эфирными светильниками, чьи кристаллы, размером с горошину, едва боролись с мраком отбрасывая слабое голубоватое свечение в пространство казармы. По обе стороны от центрального прохода тянулись в два яруса деревянные нары. На них, на грубых серых одеялах, сидели, лежали, тихо переговаривались мужчины облаченные в затертые рубашки и штаны. Их лица, освещенные сверху мерцающим светом, казались вырубленными из того же темного камня, что и стены форта — усталые, замкнутые, со стертими эмоциями. Вербовщик, наконец, обернулся. — Меня зовут Бранн. Лейтенант. Завтра твоя жалкая задница будет принадлежать ротному, а пока — ищи себе свободную койку. Все местные обитатели были такими же, как Сандор: простолюдины, чьи семьи задыхались в долгах, или обедневшие дворяне низших сословий, чьи фамилии ничего не значили без денег, юноши с пустыми глазами и сжатыми кулаками. Разорившиеся торговцы, сыновья разжалованных чиновников, вчерашние батраки — все собрались здесь, в этом общем котле отчаяния.

— Сколько можно глазами хлопать, — вербовщик ткнул пальцем в свободное место на нижних нарах. — Подъем в пять. Завтрак в шесть. Строевая в семь. Не опаздывать. Опоздаешь — ощутишь всю ценность моих советов. Остальное узнаешь по ходу.

Он развернулся и ушел, его плащ мелькнул в дверном проеме и исчез. На Сандора никто не обратил особого внимания. Лишь несколько пар глаз скользнули по нему, оценивающе и без интереса. Поверх кровати лежал грубый матрас, набитый, как показалось, соломой и камнями. Мысли в голове, наконец, прояснились, но ясность не принесла покоя. Сандор сел на свою койку. Жестко. Одеяло пахло дезинфекцией и чужим потом. Он сгреб его в ногах и уперся спиной в холодную стену. Мысли, которые гнали его сюда, теперь обрушились с новой силой, но уже без паники. С холодной, отчетливой ясностью. «Итак. Я здесь. Контракт подписан. Первую выплату завтра отправят отцу. Значит, Лиам продолжит учебу. Значит, хоть что-то я смог решить. Теперь нужно выжить здесь. Не стать первым, кого списали. Не стать последним, кого все гнобят. Найти свою щель. Надеюсь, мама не будет слишком сильно волноваться». «Хорошо, — думал Сандор, закрывая глаза. — Здесь та же фабрика. Только станки — люди. Те же рычаги, те же шестерни. Нужно понять механизм. Кто крутит, кого крутят. Не высовываться, но и не дать себя в грязь затоптать. Держать дистанцию. Смотреть. Учиться»....Подъем в пять утра был ознаменован не трубой, а резким, рвущим душу скрежетом железной заслонки на двери и хриплым криком дежурного: «Салаги, подъем!» Дальше — несколько минут суматохи, топота, ругани. Сандор, привыкший к ранним сменам, был одним из первых на ногах. Он получил свою форму — грубый, серый комплект из штанов свободного кроя, зауженных от колена к низу, приталенной куртки на пуговицах и того самого длинного плаща, крепящегося на плечи, который и дал ордену название. Ткань была жесткой, негнушейся, пахла дегтем и плесенью. Затем

— завтрак в общей столовой: безвкусная овсяная болтушка, кусок черствого хлеба и мутный кипяток, называемый чаем. Перед входом в местную столовую, всем непрозрачно намекнули, что им здесь не харчевня. Те, кто не успеют поесть за выделенное время, будут ходить голодными. Ели быстро, молча, под присмотром таких же серых, угрюмых сержантов.

Подготовка была выверенным, методичным адом. Сержант — жилистый, обветренный мужчина с лицом, похожим на потрескавшуюся кожаную перчатку, — почти не кричал. Он говорил тихо, сипло, но так, что каждое слово впивалось в сознание, как лезвие под ноготь. Его инструкции не обсуждались. Они просто выполнялись, пока тело не начинало отказываться, а потом — еще немного.

Муштра. Бесконечная строевая под монотонный счет, где один неверный шаг означал дополнительные круги по плацу. Плац к ноябрю превратился в поле вязкой, ледяной грязи, и каждое утро они бегали по нему, облепленные этой коричневой жижей, в полной экипировке. Вес кирасы, старой и потрескавшейся, но все еще способной гнуть спину, стал для Сандора привычным, как некогда вес кувалды. Но здесь была иная усталость — не жаркая, взрывная, как в цеху, а холодная, тотальная, проникающая в кости. Их не учили фехтовать. Их учили правильно держать древко тяжелой алебарды, чтобы не выронить его от дрожи в уставших руках; не искусству боя, а тому, как подставить свой щит, сцепленный с соседним, чтобы образовать плотную, неподвижную стену. Философия была простой и циничной: из человека нужно выбить всё лишнее — мысли, гордость, страх. Оставить лишь послушное, выносливое тело, винтик в механизме.

Сандор глотал эту науку, стиснув зубы до хруста. Его фабричная выносливость давала небольшое преимущество — мышцы, привыкшие к постоянному напряжению, медленнее сдавались. Но и здесь, под ледяным дождем, он ловил себя на знакомом чувстве: он снова стал частью конвейера. Только теперь конвейер молчал и двигался по команде. Он выполнял всё с безжизненной автоматичностью, не ввязываясь в склоки, но и не опуская глаз перед теми, кто пытался самоутвердиться за его счет. Мозг отключался, спасаясь. Оставалось только тело, боль и тихий, сиплый голос сержанта.

День за днем, неделя за неделей, с каждым новым утром тело Сандора становилось чуть крепче, реакция острее, разум тверже. Так перед глазами пронесли три месяца.

Постепенно, в этой серой, стриженной под одну гребенку массе, начали проступать личности. Это не было дружбой в её привычном понимании. Это было инстинктивным сближением товарищей по невзгодам.

С Тораном, бывшим угольщиком, судьба его столкнула спустя ещё три недели, на общей "боевой задаче" — чистить отхожие места. Молчаливый исполин с руками толщиной в голову Сандора, лицом ребенка обросшего щетиной и добродушным взглядом, работал не спеша, но невероятно эффективно. Когда Сандор, измученный предыдущим днем, едва не уронил тяжелую бочку, Торан молча подставил плечо, приняв на себя большую часть веса. Ни слова. Лишь кивок. Позже, в казарме, тот же Торан, увидев, как Сандор сдирает с окровавленных волдырей портянки, молча протянул свою щепотку странно пахнущей мази и грубыми, неловкими движениями показал, как наматывать тряпье, чтобы не стереть ноги в хлам. Его помощь была такой же необременительной, как его присутствие.

Минуя ещё полмесяца к дуэту Сандора и Торана пристроился Элиас, тощий юнец с лихорадочным блеском в зеленоватых глазах, вечно хитрой миной на лице и руками длиннее обычных. Сын разорившегося аптекаря, он был нервным и терялся на плацу, но его ум был острым клинком. Когда вся рота корпела над уставными листами, коверкая непонятные формальные фразы, именно Элиас, шепотом и с нервной усмешкой, растолковал Сандору суть: «Здесь написано «соблюдать доблесть и честь», но между строк — «не думай, повинуйся». Это просто приказ в красивой обертке». Он отлично разбирался в самых сложных документах и формах и бюрократических бумагах. Своим характером подбешивал он безусловно многих, но наличие

рядом Сандора и Торана отваживало от конфликта большую часть раздраженных им сослуживцев — молчаливый обмен практичности на знания.

А потом был Виллам, под формой которого скрывалась рубашка с бархатными отворотами. Кудрявый, с острыми скулами, пронзительным взглядом и настолько прямой осанкой, будто к его спине примотали лом. Тот, чей род обеднел два поколения назад, но в чьей потрепанной сумке все еще лежал бархатный камзол, аккуратно завернутый в ткань. Он научился балансировать, используя обрывки аристократических манер, мог найти подход и к солдату и к офицеру. Почти сливаясь, с любым обществом в котором находился, он всегда умудрялся извлечь из ситуации чуть больше чем другие. Однажды после изматывающего кросса Виллам, позеленевший, стоял, прислонившись к стене, и судорожно глотал воздух. Сандор, проходя мимо, молча протянул ему свою флягу. Виллам взял, выпил, кивнул с надменной сдержанностью, но в его взгляде мелькнуло что-то кроме спеси — он почуял перспективу возможно полезных связей, а такие он не упускал.

Они не стали друзьями. Между ними возникло что-то более ценное в этих стенах — молчаливое братство по несчастью, сеть негласных договоренностей и мелких услуг. Торан — сила, Элиас — ум, Сандор — выносливость и фабричная хватка. Виллам- мастерство заговаривать зубы. Это был не союз, а взаимовыгодный симбиоз выживающих, где главной валютой было молчаливое понимание и рука помощи, поданная вовремя.

Через неделю, без лишних объяснений и торжеств, их построили в самом большом, неотапливаемом зале штаба. Перед ними, на низком деревянном помосте, стоял капитан — человек с пустым, официальным лицом. В руках у него был свиток. Присяга была короткой и бездушной. Один за другим их вызывали вперед. Процедура была до безобразия проста: положить руку на увесистый фолиант Устава, повторить за капитаном казенные слова о верности королю, ордену, командирам до последнего вздоха. Когда очередь дошла до Сандора, он шагнул вперед. Кожа фолианта была холодной и шершавой. Слова текли сами собой, пустые, лишённые смысла. Он видел перед собой не капитана, а лицо отца. И лицо барона Лэмворта. Он клялся им. Молча. Про себя. Клялся выжить. Клялся не сломаться. Хаотичная смесь ответственности и ненависти. Официальная же клятва была просто необходимым звуковым фоном для этой, настоящей. Никто не слышал в этих словах чести или долга. Это была формальность, последний гвоздь в крышку гроба их гражданской жизни. Сандор повторял слова, глядя куда-то поверх головы капитана, и думал о том, что теперь он официально — расходный материал. Винтик. Но винтик, за который уже заплатили. В этом был какой-то извращенный, но надежный смысл.

А на следующий день в их жизнь ворвался Криг.

Он явился не во время занятий, а вечером, когда рота, измотанная, возвращалась в бараки. Дверь распахнулась с такой силой, что ударилась о стену. В проеме стоял молодой человек в идеально сшитом сером мундире лейтенанта. Его надменное, выражение лица — кричало о превосходстве, купленном и оплаченном. Сын графа, отчисленный из Академии Креатоса. Слухи о нем ползли еще с первого дня. Неудача, пьяные дебоши, скандалы. Но фамилия и мешок золота открыли двери туда, куда другим путь был заказан годами службы. В его руке был не стандартная алебарда, а легкая, изящная шпага. И в ее гарде, в изысканной оправе, мерцал эфирный кристалл — небольшой, но настоящий, живой, источник силы, недоступной простолюдинам.

Криг обвел взглядом бараки, и его губы скривились в брезгливой усмешке. — Так-так. Новое мясо. Пахнет уже. — Его взгляд упал на Сандора, который как раз пытался зашить оторвавшийся подол плаща. — Ты. Говорят, ты у нас местный герой? С завода? Показал бы, на что способны заводские крысы.

Тишина повисла густая, как кисель. Сандор медленно поднял голову. Внутри все сжалось в ледяной ком. Это был вызов. Не сержанта, а системы. Аристократической спеси, купленных

привилегий, всего того, что он ненавидел. — Я солдат, господин лейтенант. Выполняю приказы, — произнес он ровно, глядя куда-то в пространство перед грудью Крига. — Приказ — показать, на что ты годен. Встать. Взять это, — Криг кивком указал на тренировочные деревянные мечи, сложенные в углу.

Сопротивляться было бессмысленно. Сандор взял тяжелую, неудобную деревяшку. Вдвоем они вышли из барака, остальные же облепили окна и проходы, готовясь к показательному выступлению. Криг даже не снял мундир. Он просто принял изящную стойку, держа шпагу одной рукой, как трость. Бой длился три движения. Сандор, помня уличные драки, попытался войти в дистанцию, навязать грубую силу. Он сделал резкий выпад, чтобы сбить клинок противника. Криг даже не пошевелился. Он лишь слегка повернул запястье. Кристалл на гарде вспыхнул тусклым синим светом. И Сандор ощутил, как воздух перед ним вздыбился и ударил его в грудь сплошной, невидимой стеной. Его отбросило на пять шагов назад. Он тяжело рухнул на спину, деревянный меч вылетел из онемевших пальцев. В ушах зазвенело, в груди захлестывала не боль, а шок от полной, абсолютной беспомощности.

Криг медленно опустил шпагу. Кристалл погас. — Как я и думал. Мусор. Сила не в мускулах, чернь. Она — в этом, — он легонько коснулся кристалла. — В том, что вам никогда не принадлежало и не будет принадлежать. Учите матчасть.

Он повернулся и вышел, оставив за собой гробовую тишину. Унижение жгло изнутри. Сандор лежал, смотря в закопченный потолок, и чувствовал, как по щекам ползут капли грязной воды с пола. Он проиграл. Не потому что слабее. А потому что у противника был "ключ от всех дверей", в которые все остальные вынуждены были барабанить голыми руками.

Но когда он попытался подняться, чья-то сильная рука схватила его за локоть и поставила на ноги. Это был Торан. Молча. Рядом стоял Элиас, и в его быстрых глазах горел не сочувственный огонек, а холодная, яростная солидарность. Сослуживцы, и простолюдины, и те самые обедневшие дворяне, смотрели на него. Не с жалостью к побежденному. С уважением к тому, кто встал. Кто принял бой, зная, что обречен. В этом мире такая смелость была единственной валютой, которую нельзя было отнять или купить. Даже Виллам, тот самый парень с бархатными отворотами, кивнул ему едва заметно, с презрительной усмешкой, направленной явно не в его сторону, а вслед ушедшему Кригу.

Вечером, когда боль в груди утихла до глухого нытья, а ярость перебродила в холодное, расчетливое упрямство, в казарме царила своя жизнь. Торан, растирая плечи густой, вонючей мазью, бросил через помещение хриплым басом: — Сандор, а правда, на вашем заводе, если пресс заедал, вы его не ремонтировали, а просто звали барона — он так орать начинал, что от вибрации все само расхаживалось? Несколько человек фыркнуло. Сандор, начиная уже настоящую, железную алебарду, ответил не сразу. — Барон? Нет. Мы просто кричали: «А ну-ка, заработай, сука!» И он, бывало, зарабатывал. От страха, что его на переплавку. Раздался сдержанный смех. Элиас, что-то чертивший на обрывке бумаги, добавил, не отрываясь: — Наш лейтенант, я слышал, в Академии как сквозняк в щель вылетел. Да папаша отстоял. Видимо, решил, что здесь он хоть не в отцовскую щель дуть будет, сидя дома. — Его кристалла хватит разве что пердежь сержанта сдуть, — проворчал кто-то с верхних нар. — И то, если дунет сильно, — добавил Виллам с нарочитой грустью, полируя пряжку. — Жаль, стоящей магии в нем нет. Одна показуха. Раздался сдержанный, но всеобщий смех. Это не было дружбой. Это было братство по несчастью, временное перемирие в войне всех против всех, скрепленное общей грязью, общим начальством-самодуром и общим противником в лице спесивого Крига. Сандор прислонился к холодной стене, слушая этот грубоватый гул голосов. Деньги уже, наверное, у отца. Значит, Лиам учится. Значит, хоть что-то сделал верно. А здесь... здесь нужно просто держаться. Шаг за шагом. Рычаг за рычагом. Впереди была тьма, холод и бесконечная серая муштра. Но в этой казарме, среди таких же, как он, обреченных и отчаянных, он нашел не опору, а точку сопротивления. Этого пока хватало. Завтра будет новый день. А он будет

встречать его уже не одиноким фабричным работягой, а солдатом «Серых плащей». Солдатом, который начал учиться правилам новой, жестокой игры.

Глава 4. Крещение ветром.

Будни в форте «Серых плащей» были не чередой дней, а единым, растянутым во времени состоянием — вымученным ожиданием на грани изнеможения. Рассветы сливались с закатами в бесконечную вереницу плащей, строев, чистки оружия, тупой зубрежки устава и коротких, тревожных перерывов на сон, который не приносил отдыха, а лишь глушил усталость до следующего подъема. С момента присяги Сандора прошло полгода.

Криг теперь редко появлялся лично, но его присутствие висело в воздухе, как запах гнили. Он изменил тактику. Вместо точечных выпадов, он методично давил всех новобранцев как класс. Его придирки стали системой. Недостаточно отполированная пряжка? Внеочередной наряд на кухню для всего отделения. Тень недовольства в глазах? Дополнительные пять кругов по плацу с полной экипировкой. Он не кричал. Он издавал мерзкое, напыщенное брюзжание, и каждый его приказ был мелкой, ювелирной пыткой, призванной не дисциплинировать, а унижить, напомнить о месте.

— Ваша проблема, — говорил он, медленно прохаживаясь перед строем, — в том, что вы думаете, будто страдание что-то значит. Будто перетерпев это дерьмо, вы что-то заработаете. Заблуждение. Вы — расходный материал. И ваша единственная функция — изнашиваться правильно, не пачкая своим нытьем тех, кто действительно важен.

Сандор научился отключаться. Взгляд в пустоту, мышцы, выполняющие команды на автомате, сознание, ушедшее глубоко внутрь, где копилась холодная, черная ярость. Она не кипела, а кристаллизовалась, становясь твердой, как сталь, и такой же острой. Он видел, как та же ярость, смешанная с бессилием, гложет Торана, как она заставляет нервно теребить край плаща Элиаса, как заставляет Виллама, с его претензиями на благородство, еще злее шлифовать и без того безупречную амуницию. Криг сплавил их воедино, но не в братство, а в единый фронт молчаливой ненависти. Это было хрупкое, опасное единство, построенное не на симпатии, а на общем враге.

Вечером, когда серое небо над фортом начало сгущаться в черноту, прозвучал не горн отбоя, а резкий, пронзительный тревожный гудок. Звук, похожий на предсмертный вопль огромного металлического зверя. Он впивался в мозг, вышибая остатки сонливости. Через минуту вся рота строилась на плацу. Перед ними стоял сам капитан, и его обычно бесстрастное лицо было напряжено. Рядом с ним, переминаясь с ноги на ногу, стоял гонец в закопченной одежде цехового — его глаза были круглыми от ужаса. — Внимание! — голос капитана рубил тишину. — Четырнадцать минут назад на фабрике «Ониксовый прокат» в Айронфордже произошел акт умышленного разрушения. Есть погибшие среди охраны. Преступник на месте. Ситуация — критическая.

Сандор почувствовал, как у него похолодело внутри. «Ониксовый прокат». Соседняя с его бывшим «Гигантом» фабрика. — В обычной ситуации, — продолжал капитан, — на это направлялись бы два полных отряда опытных бойцов. Но сейчас они на заданиях и патрулях у восточной стены. Отправятся все свободные в данный момент бойцы. Время на сборы — три минуты. Поэтому слушайте приказ. Первый отряд: я, лейтенант Бранн, сержант Вэйс. Второй отряд: лейтенант Криг, — капитан практически выплюнул это звание, — и новобранцы: Сандор, Торан, Элиас, Виллам. Полное боевое снаряжение. Живыми или мертвыми. На выход!

Три минуты спустя они уже мчались на двух тяжелых, закрытых повозках с эфирными двигателями, которые рычали, выплевывая сизый выхлоп. Криг сидел в их повозке напротив, бледный, сжавший эфес своей шпаги до побеления костяшек. Он молчал. Его надменность куда-то испарилась, оставив лишь растерянность и страх, который он отчаянно пытался скрыть под маской гнева.

Айронфорд встретил их не привычным гулом, а неестественной, зловещей тишиной, нарушаемой лишь отдаленными криками и треском пожара. Фабрика «Ониксовый прокат» представляла собой жуткое зрелище. Охрана у ворот была мертва — не застрелена, не заколота, а будто размазана по кирпичной кладке и земле. Само здание цеха имело гигантские пробоины, но не от взрыва. Стены не были вывернуты наружу, их словно срезало гигантской, невидимой бритвой. Металлические балки каркаса были перекручены и порваны, как тонкая проволока. Оборудование — прессы, конвейеры — было не сломано, а измельчено в бесформенную грудку металлолома, будто невидимый великан устроил здесь истерику. Воздух пах не дымом, а озоном и чем-то едким, щекочущим горло.

— Это... что это сделало? — прошептал Элиас, и его голос дрожал. — Не оружие, — хрипло сказал Торан, сжимая свою алебарду. — По крайней мере, не такое, какое я знаю. Капитан, не теряя времени, жестом подозвал к себе дрожащего мастера-технолога, чудом уцелевшего в офисе. — Говори. Быстро. Кто? Как выглядел? — Человек... в плаще, с капюшоном, — захлебывался технолог. — Вошел, как призрак... Его не остановили. Он... он просто махал руками и бормотал что-то невнятное. И все... все вокруг начинало ломаться. Воздух... воздух гудел и резал! Он что-то кричал... про «осквернение»,... Потом ушел, в сторону старых водостоков.

Маг. Это слово повисло в воздухе, не озвученное, но понятное всем. В Гиперионе, где любая магия, кроме кристаллической, была вне закона и считалась почти мифом. Шок от этой мысли был почти физическим.

— Приметы! — рявкнул капитан. — Высокий... худой. Под плащом — темная одежда. Лица не видел. Но на руке... когда он махал, я видел на правой руке татуировку. Как бы... глаз с узким зрачком.

Капитан развернулся к отрядам. — Вы слышали. Преступник — обладает возможностью манипуляции воздухом. Цель — неизвестна. Тактика — держаться на дистанции, не подпускать ближе десяти шагов. Криг, ваш отряд заходит с юга, через водосток. Мой отряд — с севера. Живым взять предпочтительнее. Но если сопротивление — на поражение. Вперед!

Преследование по горячим следам превратилось в кошмарную пробежку по лабиринту заброшенных труб, полуразрушенных подсобок и заваленных мусором тоннелей. Следы были очевидны — там, где прошел маг, металл был покрыт свежими, блестящими царапинами, кирпич крошился, будто его годы грызла невидимая кислота.

Именно здесь Криг окончательно раскрылся. Его команды были несвязными и паническими. «Туда! Нет, сюда! Ждите! Идите!» Он то пятился за спины новобранцев, то, наоборот, бросался вперед с безрассудством труса, желающего поскорее все закончить. Когда в темноте впереди что-то грохнуло, он взвизгнул и выпустил из своей эфирной шпаги поток энергии наугад, осветив на мгновение своды синим всполохом и выдав их позицию.

— Твою мать! — прошипел Виллам, но было поздно.

Из темноты, из бокового тоннеля, вырвался вихрь. Не просто поток воздуха, а сконцентрированный, ревуший клин невидимых лезвий. Криг, ошалевший, попытался парировать его шпагой, активировав кристалл. Синий щит едва вспыхнул и тут же рассеялся под напором магической силы. Вихрь ударил его в грудь, подбросил и швырнул в стену с глухим, костлявым стуком. Криг осел на землю, хрипя, с окровавленным лицом и неестественно вывернутой рукой. Его шпага с потухшим кристаллом откатилась в грязь.

— Прикрыть! — заревел Сандор, действуя на инстинктах. Он и Торан встали над телом офицера, подняв щиты. Элиас и Виллам замерли с алебардами наготове. Но атака не повторилась. Маг, видимо, не считал их угрозой и двигался дальше, на звуки боя, где уже слышались крики, звон стали и тот самый жуткий гул разрезаемого воздуха.

Добежав до места, они застыли в ужасе. Картина была короткой и жестокой. На небольшой площадке, где сходились тоннели, лежали тела лейтенанта Бранна и сержанта Вэйса.

Бранн, могучий и опытный, был буквально разорван — его латы выглядели так, будто их изнутри распирало невидимой силой. Вэйс, пытавшийся укрыться за колонной, был найден с раскроенным шлемом — удар пришелся точно в щель между пластин. И над этой бойней, в центре площадки, стоял капитан.

Он дрался. Как демон. Его меч с более мощным кристаллом в гарде описывал в воздухе синие дуги, рассекая потоки сжатого воздуха, которые маг посылал на него. Капитан двигался не изящно, а с жестокой, расчетливой эффективностью старого волка, знающего, что каждый его маневр может стать последним. Он использовал обломки, колонны, менял позицию, заставляя мага перенаправлять атаки. Синий свет его клинка вспыхивал, отсекая невидимые лезвия, но с каждым ударом свет тускнел, а на лице капитана проступала гримаса нечеловеческого напряжения. Кристалл в его мече был инструментом, тупым и грубым, требующим силы воли для управления. А противник, казалось, черпал силу из самого мира.

Маг, тот самый высокий худой человек в темном плаще, двигался с пугающей, почти танцующей грацией. Его руки взмахивали, и воздух вокруг них кипел и искрился, образуя видимые глазу волны искаженного пространства. Он не уставал. Он, казалось, даже не напрягался. Это была игра. Холодная, безэмоциональная демонстрация превосходства.

— Сандор! Клинком! Фланг! — закричал капитан, увидев их. Его голос был хриплым от напряжения, на лице текла кровь из пореза на лбу.

Это был не приказ, а крик отчаяния. Сандор, не раздумывая, бросился вперед. Не с алебардой — ее древко маг мог просто сломать на расстоянии, — а с тем самым эфирным мечом Крига, который он схватил у ног недо-Лейтенанта. Глупо? Да. Но это было все, что у него было. Он не пошел в лоб. Он, как когда-то на фабрике, попытался зайти сбоку, используя груды мусора как укрытие, двигаясь низко, почти по-пластунски. Его мышцы горели, каждый вздох резал легкие пылью и страхом. Торан с ревом двинулся за ним, прикрываясь щитом, на котором уже появились глубокие царапины от случайных вихрей. Виллам и Элиас попытались создать диверсию, швыряя в сторону мага обломки кирпича, но те просто разлетались в пыль, в паре метров от цели.

Маг, отвлеченный капитаном, лишь на мгновение перенес на них взгляд из-под капюшона. Сандор увидел лишь вспышку холодных, бездушных глаз, цветом похожих на мутное небо. Рука мага метнулась в его сторону. Сандор инстинктивно пригнулся, и над его головой с воем пронеслась воздушная коса, срезав угол кирпичной стены. Пыль и щебень ослепили его. В следующий миг он почувствовал, как его поднимает с земли. Невидимый кулак из уплотненного воздуха схватил его за грудь и швырнул через всю площадку. Он приземлился на спину, и мир потемнел от боли. В ушах зазвенело, в груди захлестнула тошнота. Но он увидел, как капитан, используя эту микро-передышку, совершил невероятный рывок. Старый солдат, казалось, забыл про собственную безопасность. Он прошел под очередным вихрем, его плащ превратился в лоскуты, обнажив помятую кирасу, и его стальной клинок, сияя голубым, воткнулся в пространство, где только что стоял маг.

Но тот был уже на два шага дальше. Плащ капитана лишь хлестнул по воздуху. В глазах мага мелькнуло что-то вроде легкого удивления, будто он увидел упрямого жука, решившего укусить сапог. Он взмахнул обеими руками, небрежно, почти с досадой. И между ним и капитаном взорвалась стена из сжатого воздуха, мусора и осколков камня. Это был не удар, а отталкивание. Капитан отлетел, оглушенный, ударившись спиной о стену и осев на колени. Его меч, с потухшим кристаллом, выпал из ослабевших пальцев.

Маг на мгновение задержал взгляд на Сандоре, который, стиснув зубы, пытался встать, опираясь на тонкий клинок шпаги. В этом взгляде не было ни злобы, ни торжества. Было... любопытство. И что-то еще. Словно разочарование. Будто он ожидал большего от сопротивления. Затем он повернулся и шагнул в черный провал разрушенного тоннеля. Через секунду

послышался отдаленный, нарастающий гул, а потом — громовой звук обрушения где-то вдали. Путь был заблокирован тоннами камня и земли.

Они не взяли его. Они даже не ранили. Они лишь заплатили за эту встречу кровью опытных солдат и своим собственным страхом, который теперь витал в воздухе, гуще пыли.

Возвращение в форт было немым и позорным. Они несли на самодельных носилках, сколоченных из обломков, едва живого Крига, который бредил и стонал. За ними, шатаясь, шел капитан, опирающийся на плечо Торана, — его лицо было серым от пыли и скрытого шока. Сандор, Элиас, Виллам шли сзади, волоча ноги, их взгляды пусты и прикованы к земле. Их встретили молчанием. Часовые на воротах смотрели на них не как на вернувшихся солдат, а как на вестников чумы. Слух, как черная туча, уже накрыл форт.

Доклад командующему проходил за закрытыми дубовыми дверьми кабинета, обитого холодными картами и штандартами. Стоя в предбаннике, Сандор слышал сквозь толстую древесину обрывки: «...маг... воздух... полное уничтожение... сержанты пали... лейтенант некомпетент...». Голос капитана был монотонным, выжатым, как тряпка. Голос командующего — сначала не верящим, затем леденящим от гнева, а под конец — тяжелым, как свинец. Когда капитан вышел, он выглядел постаревшим на десять лет. Его взгляд скользнул по новобранцам, задержался на Сандоре. — Вы... держались. Это все, что я могу сказать. Идите. Вас вызовут позже. Но главный приговор был вынесен не им. Он был вынесен всей системе. **«Маг. В Гиперионе. Стихия воздуха. Убил двух сержантов, ранил лейтенанта»**. Эти слова, словно раскаленные угли, были брошены в сухую траву общественного сознания. Официально об этом не объявляли. Но новости разлетелись мгновенно, по темным каналам, которыми всегда течет правда в империи лжи. Через шепот часовых, через возникшего повозки, через уцелевших рабочих, через девок в офицерском общежитии. К вечеру об этом знал уже весь Айронфорд, а к ночи — и Креатос. Не как о факте, а как о мифе, обраставшем ужасающими подробностями: о маге-призраке, который мог войти в любую дверь, о том, что «Серые плащи» бежали, о том, что кристаллы бессильны.

Началось то, чего боялись больше открытого бунта — общественные волнения. Сначала — леденящий, парализующий страх. В тавернах говорили вполголоса, закутываясь в плащи, оглядываясь на двери. «Он может быть везде. Может, он уже здесь. За этой стеной. Он может просто махнуть рукой, и стена рухнет». Страх людей, чья жизнь и так висела на волоске, был особым, животным. Он быстро, уже к следующему утру, начал перерождаться в гнев. Гнев на власти, которые не смогли защитить даже свои фабрики. Гнев на «Серых плащей», этих «железных заступников», оказавшихся картонными. Гнев на аристократов, засевших в своих особняках за высокими стенами с мощными щитами. В кварталах Айронфорда стали исчезать патрули «Серых плащей» — их просто не пускали, встречая молчаливой, враждебной стеной людей. На стенах появились грубые надписи углем: «Где ваши щиты?», «Маг придет за вами», «Мы следующие?». Ропот переставал быть ропотом. Он становился гулом. Гулом улья, который вот-вот взорвется...

В эпицентре этого нарастающего гула, в самом сердце Айронфорда, в мертвом, заброшенном цеху «Стального сердца», где ржавые каркасы станков застыли в немом крике, а с высоких, закопченных стропил капала конденсатом вечная сырость, горел одинокий факел. Его неровный свет выхватывал из тьмы две фигуры, отбрасывая на стены гигантские, пляшущие тени.

Одна — высокая, с прямой спиной, со странными ярко-голубыми глазами и лицом аскета, на котором шрам от эфирного ожога тянулся от виска к скуле, бледный и гладкий, как старый воск. Вторая — коренастая, приземистая, с умными, хищными глазами цехового старосты и руками, по локоть исчерченными шрамами и вьевшимся машинным маслом, которое уже стало частью кожи.

— ...лейтенант и сержант убиты, второй лейтенант разбит и физически, и, что важнее, морально, — говорил тот, что был ниже, и в его хриплом, глухом голосе звучало злорадное, жирное удовлетворение. — Молодняк в шоке, чуть в штаны не наложили. Паника, как вы и предсказывали, расходится по кварталам быстрее чумы. Люди теперь смотрят по сторонам не в поисках надсмотрщика, а в поисках врага. И не находят его. Значит, готовы слушать того, кто укажет. Или того, кто даст хоть какую-то защиту. Хоть тень уверенности.

Высокий медленно провел ладонью по холодной, шершавой поверхности прокатного стана. Под его пальцами ржавчина осыпалась мелкой пылью. — Хаос — не цель. Хаос — лишь инструмент. Молот, разбивающий застывшую, прогнившую форму. Страх перед невидимым, непостижимым врагом — лучший растворитель для слепой лояльности. Они показали свою слабость во всей красе. Король, его герцоги, его «Стальная стража»... они не боги. Скоро и они вздрогнут. Они даже не компетентные правители. Они — надменные дети, играющие в солдатиков с игрушечными кристаллами, пока настоящая, древняя сила ходит у них под носом и крушит их игрушки. Люди это видят. Они почувствовали дыру в броне.

Он повернулся к подчиненному, и в его глазах, отражавших дрожащий огонь факела, вспыхнул холодный, расчетливый огонь — не пламя страсти, а ровный свет ледяной логики. — Значит, время начинать подготовку всерьез, Граут. Первое: оружие из тайников под северным тоннелем. Не все. Каждую третью партию. В первую очередь — не клинки, а кристаллы. Самые маленькие, самые старые, те, на списание которых уже подписаны бумаги. Наши люди в арсеналах должны начать «естественную убыль». Кристалл размером с ноготь, правильно встроены в кувалду или арбалет, может сбить с ног рыцаря. Второе: фабрики. Не саботаж. Точечные, избирательные «поломки». Пусть вал производства, на котором держится их гордость и богатство, даст первую, заметную трещину. Пусть герцоги почешут свои ухоженные затылки, глядя на падающие цифры. И третье, главное: слово. Наше слово должно звучать иначе. Не о равенстве и справедливости — этим сыт не будешь и не прикроешься. Оно должно быть о безопасности. О порядке. О том, что пока королевские щиты бегают за призраками, настоящую защиту района могут обеспечить только его собственные жители. Создавайте группы. Крошечные. Крепкие, как стальная заклепка. Пусть они патрулируют свои улицы. Пусть «находят» брошенное оружие — те же кристаллы в кустарных ножнах. Пусть распространяются слухи, что это «наследие» того самого мага, которым могут овладеть и простые люди, чтобы защититься от других магов. Мы дадим им врага, которого они могут понять, и иллюзию силы, которую они могут потрогать.

— А сам маг? — спросил Граут, почесывая щетину на щеке. — Он был... впечатляющ. Сила, чистая сила. Мог бы стать знаменем. Мол, смотрите, даже маги против них. Аскет холодно, беззвучно усмехнулся. Это была усмешка человека, знающего цену всему, особенно — символам. — Знамена, которые нельзя контролировать, опаснее вражеских штандартов. Он — стихийное бедствие. Одиночка. Он выполнил свою великую роль — ударил молотом по наковальне и показал всем трещину в монолите. Теперь он лишняя переменная в уравнении. Непредсказуемая. Я отдал распоряжение... с ним разберутся. Не магией, а сталью и ядом. Пока он нам верит, то ничего не заподозрит. Наша сила — в гневе народа, отточенном до остроты бритвы, и в организации, сплетенной из бесправия и нужды. Гнев уже есть. Теперь — организация. Иди. Начинай. Пусть сталь, которую они здесь ковали для своих дирижаблей и дворцов, обратится против их же горла. Медленно. Неотвратно.

Граут кивнул, коротко и жестко, как солдат, получивший приказ, - Сделаем в лучшем виде, господин Рокбэлл. Он растворился во тьме за пределами круга света отбрасываемого факелом, его шаги поскрипывали по гравию, а потом и вовсе затихли. Виктор Рокбэлл остался один в огромном, темном чреве цеха. Он прислушался к тишине. Она была особой — не отсутствием звука, а гулом ожидания, низкочастотным, едва слышным дрожанием в самой основе мира, будто гигантские шестерни истории, скрипя, сдвинулись с мертвой точки. Он не видел

добра или зла в том, что начинал. Он видел цепь причинно-следственных связей, ясную и неумолимую, как закон физики. Аристократия посеяла неравенство, презрение и страх. Логическим урожаем могло быть только восстание и кровь. А он, Виктор, всего лишь... садовник, ускоряющий процессы, убирающий сорняки, помогающий урожаю созреть побыстрее и дать больше плодов. Он поднес руку к факелу, и тень его длинных, узких пальцев, искаженная и огромная, метнулась по закопченной стене, на мгновение приняв очертания крыла, когтя, чего-то древнего и хищного, прежде чем снова съежиться до обычной человеческой. Первый камень был сдвинут. Теперь нужно было лишь правильно направлять лавину, пока она не набрала силу, способную снести все на своем пути. И в ее грохоте уже тонули отдаленные крики, звон подков и тревожный вой сирен где-то на окраинах Айронфорджа — первые, едва слышные раскаты надвигающейся бури.

Глава 5. Повороты судьбы.

Будни в форте после нападения мага приобрели новое качество — они стали напряженными. Не от физических нагрузок, а от невидимого, давящего на психику ожидания. Воздух в казармах был наполнен невысказанными вопросами. Страх, перемолотый дисциплиной, превратился в глухое, постоянное раздражение. Каждый лязг где-то на плацу, каждый неожиданный крик заставлял вздрагивать и хвататься за оружие. «Серые плащи» больше не чувствовали себя так меланхолично, как раньше. Они почувствовали себя мишенью.

В этой тягучей, отравленной атмосфере отношения между Сандором, Тораном, Элиасом и Вилламом перестали быть просто соседскими. Они стали товарищескими. Это был договор о взаимовыживании.

Торан, молчаливый великан, стал их немой скалой. Он не рассуждал, он делал. Если Элиас, с его хрупким телосложением, не мог втащить на стену тяжелый тук со снаряжением, Торан молча брал его на себя, а потом одним взглядом заставлял замолчать любого, кто пытался съязвить. Он научил их простому, жестокому приему — если противник сильнее, нужно бить не в броню, а в сустав, в основание шеи, в пах. «Честь — для тех, у кого есть завтра. У нас есть только сейчас», — хрипел он, показывая захват.

Элиас, сын аптекаря, оказался кладезем неожиданных знаний. Он понимал, как работают простейшие эфирные схемы в сигнальных ракетах, мог по запаху определить плесень в продовольствии, а его память была безупречна. Он стал их мозгом и летописцем, тихо сидя по вечерам и зарисовывая в потрепанный блокнот схемы патрулей, лица сержантов, слабые места в ограждении форта. «Информация — это тоже оружие. Бесплатное», — говорил он, щуря свои умные глаза.

Виллам, с его обветшалым благородством, продолжал быть мастером тонкой социальной навигации. Он знал, как поговорить с поставщиком, чтобы тот «случайно» положил в их паек лишний кусок сала; как обойти глупый приказ, не нарушая его буквы; как своим видом и манерой речи усыпить бдительность даже заносчивого сержанта. Он учил их не рыцарским манерам, а мимикрии — умению казаться неопасными, глупыми или покорными, когда это выгодно. «Мой род обеднел, когда забыл, что гордость — это роскошь. Выживание — это прагматизм», — объяснял он, безупречно чистя уже сияющую пряжку.

А Сандор стал тем, вокруг кого это все кристаллизовалось. Не потому что был самым сильным или умным. Потому что был якорем. Его спокойная, непробиваемая решимость, его фабричная привычка молча переносить тяготы и его поступок в схватке с магом, пусть и неудачный, сделали его неформальным лидером. Он не отдавал приказы. Он предлагал: «Давай сделаем так». И они слушали.

Вечером, после изматывающего дня, они сидели в углу казармы, в относительной изоляции от остального гвалта. Торан натирал мазью вечно ноющие от нагрузок суставы. Элиас что-то чертил. Виллам осматривал лезвие алебарды на предмет сколов. — Слышал, на «Стальном сердце» вчера опять попытка была, — тихо начал Виллам, не отрываясь от клинка. — Рабочие забаррикадировались в цеху, требовали усилить охрану и выдать оружие. Говорят, кричали, что «Серые плащи» их не защитят. — И чем кончилось? — спросил Сандор, проверяя крепление на своем неудобном, изношенном наплечнике. — Как и на «Огненном горне» три дня назад. Пригнали отряд Стальной стражи. Не наших, серых, а этих... блестящих. С эфирными булавами. Разогнали за десять минут. Полтора десятка человек — в лазарет, трое — на виселицу за «подстрекательство к мятежу». Без ласки, без прелюдий. Грубо и жестко. — Аристократия в ярости, — добавил Элиас, откладывая блокнот. — Ходят слухи, в Совете герцогов уже прозвучало, что это «следствие катастрофической некомпетентности низшего армейского состава». То есть нас. Мол, если бы «Серые плащи» не проспали мага, работяги бы не занерв-

ничали. Торан хрипло фыркнул, что было у него высшей степенью презрения. — Логика. Их охрана провалилась, значит, виноваты те, кого не было. Удобно. — Они ищут козлов отпущения, — заключил Виллам. — "Стальные" вообще до недавнего в Айронфорд заходить брезговали. Там все поголовно Аристократы и их дети. А с нас, спрашивай сколько влезет....

На следующее утро, во время построения, капитан вызвал Сандора. Не в кабинет, а на плацу, на глазах у всей роты. Лицо капитана было усталым, но взгляд — острым, как всегда. — Рядовой Сандор. Шаг вперед. Сандор, с тяжелым предчувствием, сделал шаг. Весь строй замер. — За проявленную стойкость на опасном задании, — голос капитана гремел, чтобы слышали все, — и за действия, достойные низшего командного состава, в соответствии с уставом и по моему личному распоряжению... рядовой Сандор повышается в звании до сержанта «Серых плащей». На плацу повисла абсолютная, оглушительная тишина. Потом пронесся сдержанный, но явственный ропот. Простолюдин. Сержант. За такой срок. Это было из ряда вон. Такое бывало раз в десятилетие. Даже Виллам, знавший все о карьерных лифтах, замер с открытым ртом. Капитан не дал ропоту нарасти. Он сделал резкий жест, и к нему подошел денщик с небольшим лакированным ящичком. Капитан открыл его. Внутри, на бархатной подкладке, лежала пара наплечников. Не те грубые, литые, что были у всех. Эти были тоньше, тщательнее выделанной стали, и на их выпуклой поверхности была выгравирована не просто щит с мечами, а щит с мечами, охваченные плащом — знак сержанта ордена. Работа была грубоватой, не ювелирной, но для штабной мастерской — почти произведение искусства. — Носи с достоинством. И помни — звание обязывает. Не к привилегиям. К ответственности. За себя, и за тех, кто под твоим началом. Понятно? — Так точно, служу народу и короне Гипериона! — Сандор выпалил автоматически, мозг отчаянно пытаясь осознать происходящее. Он чувствовал на себе сотни глаз — удивленных, завистливых, злых. Это повышение было не наградой. Это было испытание. И щит, и мишень одновременно. Капитан кивком отпустил его. Возвращаясь в строй, Сандор поймал взгляд Торана — в нем было молчаливое одобрение. Взгляд Элиаса — расчетливую оценку новых возможностей. Взгляд Виллама — сложную смесь зависти и уважения. Так просто, по имени, друг друга они уже не назовут. По крайней мере не при всех.

Вечером того же дня пришел приказ: сержанту Сандору, рядовым Торану и Вилламу назначен ночной патруль в Айронфорд, в район сталелитейных цехов. Стандартная проверка после недавних волнений. Натянув плащ и поправив непривычно давящие наплечники, Сандор повел свой маленький отряд за ворота форта. Элиас остался дежурным по части.

Дорога в Айронфорд была знакомой, но теперь воспринималась иначе. Он шел не как жертва, ведомая вербовщиком, и не как зеленый рекрут. Он шел как представитель власти, которую сам же презирал. Это противоречие грызло его изнутри. По пути он принял решение. — Сделаем крюк. Через Третий переулочек, — сказал он своим спутникам. Торан лишь кивнул, Виллам поднял бровь, но не возразил. Они понимали куда. За множество бесед, в стенах форта, они уже знали кто и кем был до ордена.

Родительский дом в сумерках выглядел еще более обветшалым и приземистым, будто вжавшимся в землю под тяжестью мира. Сандор постучал. Дверь открыла Элис. Увидев сына в сером плаще с новыми, блестящими наплечниками, она не обрадовалась. Ее лицо исказила гримаса такого чистого, неподдельного ужаса, что у Сандора сжалось сердце. — Сандор... сынок... что на тебе, где ты был все это время? — она прошептала, не приглашая внутрь. — Повысили, мам. Я теперь сержант, — он попытался сделать голос твердым, но получилось неестественно. — Сержант... — слово повисло в воздухе, как приговор. Элис вдруг всплеснула руками и закрыла лицо, ее плечи затряслись от беззвучных рыданий. — Нет... только не это... Гаррет! Гаррет, иди сюда!

Из глубины комнаты, опираясь на палку, вышел Гаррет. Он постарел за эти недели. Кашель будто выел из него все соки, оставив кожу, натянутую на кости. Но глаза все еще горели.

Увидев сына в новой форме, он не заплакал. Он осунулся. Вся его гордость, вся упрямая крестьянская стойкость, казалось, испарились в одно мгновение.— Так вот откуда деньги. Значит, вот чем ты полгода занимался, — хрипло сказал он. — До сержанта простолюдины дорастают только через трупы. Свои или чужие. Или и те, и другие.— Отец, я...— Молчи, — Гаррет махнул палкой, но это был жест бессилия, а не гнева. — Это я виноват. Я, старый хрыч, сдался. Лег и позволил тебе, единственному кормильцу, пойти продавать себя в солдаты. Чтоб мне пусто было. Мои дети продают свою жизнь...— Перестань, отец! — в голосе Сандора прорвалось отчаяние. — Я это сделал, чтобы Лиам мог доучиться! Чтобы ты лечился! Я не продался, я... я нашел способ выжить для всех нас!— Выжить? — Гаррет горько рассмеялся, и смех перешел в долгий, раздражающий кашель. — Ты теперь ходишь по тем же улицам, по которым я когда-то ходил на смену. Только ты не с ломом. Ты — с приказом. И однажды этот приказ может велеть тебе поднять оружие на таких же, как мы. На соседей. На таких же отцов, которые просто хотят, чтобы их дети не умерли в цеху. Ты исчез на полгода ни хрена не сказав! Это и есть твое выживание?

Из-за занавески, отгораживающей угол, выскочил Лиам. Четырнадцатилетний парень, уже почти догнавший Сандора ростом, но еще детский в своей угловатости. Его лицо было искажено яростью и обидой.— Он прав! — выкрикнул Лиам, тыча пальцем в Сандора. — Ты пришел тут такой важный, в своих железках! Думаешь, мы должны тебе кланяться? Ты думаешь, я не знаю, что ты там делаешь? Что вы, «Серые плащи», делаете с людьми? Я в школе слышал! Вы избиваете! Вы сажаете в тюрьмы! Ты теперь один из них!— Лиам, заткнись! — рявкнул Сандор, теряя последнее терпение. Внутри все кипело от несправедливости.— Не буду! Я лучше брошу эту дурацкую школу! Пойду, как отец, на завод! Лучше сдохну от пыли, чем буду брать твои проклятые деньги, вымазанные кровью! Это было последней каплей. Гнев, усталость, боль от слов отца — все смешалось. Сандор, не помня себя, шагнул к брату и схватил его за грудки рубахи.— Ты не посмеешь бросить учебу, — прошипел он, глядя в полные слез и ненависти глаза брата, — или я лично притащу тебя обратно за шиворот. Ты понял? Ты будешь учиться. Ты будешь жить. Ты будешь иметь шанс, которого не было у меня, у отца, у матери! А для этого... да, для этого мне придется пачкать руки. И я буду это делать. Потому что иначе мы все уже сгнили бы здесь. Так что сиди и учись. Это твоя работа. А моя — следить, чтобы у тебя для этого была возможность. Он оттолкнул брата. Лиам, пошатнувшись, устоял на него, но уже без крика. Только с немым, детским укором и обидой, которую Сандор видел и в себе. В глубине души он понимал, что брат не злится на него. Он боится. Боится его потерять. И этот страх выливается в агрессию.— Я ухожу, — глухо сказал Сандор, не глядя ни на кого. — Денег в конце месяца пришлю. Он выскочил на улицу, в промозглые сумерки Айронфорджа, и глубоко, с дрожью, вдохнул. За спиной он слышал приглушенные рыдания матери и тихий, безнадежный голос отца, утешающего Лиамы. Он чувствовал себя последним подонком. И в то же время — он был прав. Другого пути не было. Только вперед, в этот мрак, сжимая эфес меча, который теперь казался вдвое тяжелее.

Патруль продолжился в гнетущем молчании. Торан и Виллам понимающе не лезли с вопросами. Они шли по знакомым Сандору улицам, и он смотрел на них новыми глазами. Трещины в стенах, заколоченные окна, вонь из переполненных сточных канав — все это было тем же. Но теперь он видел не просто убожество. Он видел топливо для бунта. Видел места, где можно устроить засаду. Видел слишком темные подворотни и слишком тихие дворы. Он мыслил не как житель, а как солдат. И это отчуждение было страшнее любой опасности.

Ближе к концу патруля, когда предрассветная мгла была самой густой, они свернули в узкий проулок у старой котельной. Оттуда доносились грубые голоса и всхлипы.— Давай, ушастый! Покажи свои фокусы! Говорили, ты воздух руками гнуть умеешь! Трое взрослых, явно податых мужиков, приперли к стене тощего, трясущегося подростка. У того из-под рваной шапки торчали заметные, остроконечные уши. Паренька тыкали в грудь, требуя «магии». Он

плакал, бормоча, что это просто фокусы с монетками, что он никого не трогал. Сандор увидел в нем отражение Лиама. Такой же испуганный, такой же беспомощный. Только у этого не было старшего брата. Или был, но тому было наплевать. — Эй! — голос Сандора прозвучал громко и властно, с новой, командной ноткой, которой он сам удивился. — Разойдись! По домам! Мужики обернулись. Увидели три серых плаща, один — с наплечниками. Пьяная храбрость мгновенно испарилась. — Да мы... мы просто... он маг, говорят... — забормотал один. — Он не маг, — холодно отрезал Сандор, подходя ближе. — Он — ребенок. А вы — взрослые мужики. Стыдно должно быть. Или хотите провести ночь в холодной под арестом за хулиганство? Угроза сработала. С натужным бурчанием троица быстро ретировалась. Подросток, ушастый паренек, смотрел на Сандора широко раскрытыми, полными слез и удивления глазами. — Спасибо... — прошептал он. — Винни меня зовут. Я... я просто показывал фокусы, чтобы монетку заработать. А они... — Знаю, — Сандор махнул рукой. — Валяй отсюда. И больше не позорься перед пьяницами. Ищи нормальную работу. — Обязательно! — Винни вдруг выпрямился, в его глазах блеснул азарт. — Я вам должок верну! Честное слово! За мной не заржавеет! И прежде чем Сандор что-то ответил, паренек юркнул в ближайшую подворотню и исчез во тьме, как призрак. — Должок... — усмехнулся Виллам. — Чем он нам заплатит собрался? Покажет фокус? — Он заплатил тем, что не стал еще одним трупом в отчете, — мрачно сказал Торан. — И тем, что не заставил нас этих алкашей задерживать. Бумажной возни много. Сандор кивнул. Его мысли уже были далеко. Он думал о брате. О том, что в этом городе тысячи таких Лиамов и Винни. И что его новая власть, его наплечники, были ничтожно малы, чтобы что-то изменить. Но для этого одного паренька... возможно, они что-то и значили.

Возвращение в форт пришлось на раннее, сырое утро. Предельная усталость давила на веки. Сдав отчет дежурному, они уже расходились по казармам, как Сандор, идя по внутреннему двору к своему бараку, услышал приглушенные, но резкие голоса из-за угла склада. Один — низкий, напряженный — принадлежал капитану. Другой — хриплый, пропитанный дешевым самогоном и цинизмом — был ему незнаком. Любопытство, смешанное с инстинктом, заставило Сандора замереть в тени водостока.

— ...я больше не могу, Отто! — говорил капитан, и в его обычно железном голосе слышалось несвойственное отчаяние. — Начальство из столицы начинает копать. Проверки документов, списки личного состава за последние тридцать лет! Они что-то подозревают. — Пускай подозревают, — хрипло ответил второй голос. — Им ничего не доказать. Бумаги, которые ты подменял, сожжены. Свидетели... их нет. — Но ты есть! — капитан почти прошипел. — Ты, старый пьяный упырь, который таскает форму «Серых плащей» и делает вид, что ты кладовщик! Ты думаешь, они слепые? Тебя же рано или поздно вычислят! А за тобой потянутся ко мне. К нам! — А ты думал, что услуга, которую я оказал твоему отцу, когда тот был зеленым пацаном, а я — чуть не сдох, перед тем как попал в этот самый гарнизон, была бесплатной? — голос, принадлежавший Отто, зазвучал ядовито. — Я вытащил его задницу из той мясорубки под Красными скалами, когда все сдохли, а остался только я. Я сделал так, что в отчете он числился героем, а не дезертиром, каким он почти стал от страха. И за это он, а теперь и ты, в неоплатном долгу. Долгу чести. А честь, капитан, — самое дорогое и самое неудобное, что есть у солдата. Так что придумывай. Ври, подделывай новые бумаги, говори, что я — твой дальний убогий родственник, взятый из милости. Но прикрывай. Пока я дышу.

Последовала тяжелая пауза. Слышно было, как капитан тяжело дышит. — Черт бы тебя побрал, старик. Как ты вообще умудрился в тот раз...? Алкаш, чертов. Ты похоронишь нас обоих. — Мы уже давно мертвы, — прозвучал леденяще спокойный, полный бездонной усталости ответ. — Просто еще ходим. Делай что должен.

Раздались шаги. Капитан, мрачный, с опущенной головой, вышел из-за угла и почти столкнулся с Сандором. Он резко остановился, его глаза сузились, оценивая — сколько тот слышал. — Сержант. Вы здесь почему? — С патруля возвращаюсь, господин капитан, — отве-

тил Сандор, делая вид, что только что подошел. Капитан несколько секунд изучал его лицо. Сандора выручили годы работы под взглядами надсмотрщиков — он научился не выдавать своих мыслей. — Вижу, — наконец сказал капитан, и в его голосе вернулась обычная суровая официальность. — Раз уж вы здесь, сэкономите время. Завтра с утра, до построения, зайдите к нашему кладовщику, Отто. В складское помещение номер семь. Ваше обмундирование как сержанта требует соответствия. Получите у него новые перчатки, сапоги и плащ. Сержант должен выглядеть... достойно. Для субординации. Для иерархии. Понятно?— Так точно, господин капитан.— Иди. Отдыхай. Капитан прошел мимо, его шаги отдавались тяжело и устало. Сандор остался стоять, глядя ему вслед. В его ушах звучал хриплый, пьяный голос старика по имени Отто. Кладовщик. Бывший сержант. Человек, который когда-то спас отца капитана. И который теперь, судя по всему, скрывался здесь, под защитой сына своего старого должника. Что он скрывал? От кого? И что за «мясорубка под Красными скалами», о которой нет официальных записей, разговоров, да даже слухов?

Утром ему предстояло встретиться с этим призраком из прошлого. Он посмотрел на свои новые наплечники, тускло блестевшие в свете поднимающегося солнца. Звание обязывало. И, как выяснилось, обязывало не только к командованию, но и к встрече с призраками. Он повернулся и побрел к своей казарме, где его ждали сон, товарищи и тяжелое, беспокойное завтра.

Глава 6. Пьяный мастер.

Утро после ночного патруля не принесло желанного покоя. Сон не шел, хоть веки и слипались. Вместо него, под рёв крови в висках, в голове стоял тот самый хриплый, пропитанный дешёвым перегаром и бесконечной усталостью голос из-за угла склада. Отто. Старик, от которого пахло тайной, дешёвым алкоголем и меланхолией. И теперь этот пьяница становился его новой, нежеланной обязанностью.

Капитанский приказ был простым. Пренебречь — значило подставить себя под первый же удар, доказать, что звание сержанта для него — случайность. Сандор поднялся с нар, когда остальные участники вчерашнего патруля ещё спали тяжёлым, животным сном выжатых людей, не надевая "парадные" наплечники, лишь накинув серую куртку поверх рубашки. Форт в предрассветной сизой мгле был пуст и беззвучен, словно вымер. Его шаги эхом отдавались от замшелых камней мостовой, единственный звук в этом каменном гробу. Складской район находился в самой дальней, заброшенной части укреплений, у самой подошвы восточной стены, куда даже утреннее солнце, будто брезгуя, заглядывало нехотя, косо и ненадолго.

Склад №7 не был строением. Это был каменный бункер, вросший в основание стены, словно огрубевшая мозоль на теле крепости. Вход — не дверь, а тяжёлый щит из грубых, почерневших от времени досок, стянутых полосами железа, покрытыми пухлой, рыжей чешуёй ржавчины. Замка не было видно. Сандор упёрся плечом и толкнул. Древесина с протяжным, душевраздирающим скрипом поддалась, впустив его в царство забвения и равнодушия.

Воздух ударил в лицо — тяжелый, спёртый, многослойный, как утро после зарплаты. Верхняя нота — пыль. Не простая, бытовая, а тяжёлая, металлическая пыль десятилетий, смешанная с трухой сгнившей древесины ящиков, песком, занесённым ветрами, и чем-то неуловимо похожим на вонь старой шерсти и пергамента. Ниже — запах старой стали, оружейного масла, прогоркшего и загустевшего от времени, едкой окиси и затхлой, вечной сырости, сочащейся из камней. И фундамент, основание этой вонючки — едкий, сладковато-горький перегар дешёвого зернового самогона и ещё чего-то крепче, вперемешку с кислым, застарелым потом немывтого тела и плесенью. Света здесь почти не существовало. Тускло теплилась единственная эфирная лампа, подвешенная к балке; её кристалл был настолько мутным, потрескавшимся и покрытым копотью, что вместо света источал голубоватую, болезненную муть, лишь подчёркивающую сгущающуюся до абсолютной черноты тьму по углам.

Пространство было хаосом, застывшим во времени. Груды ящиков с нечитаемыми клеймами, многие из которых сгнили и провалились внутрь самих себя. Покосившиеся стеллажи, кренящиеся под тяжестью забытого барахла: потрескавшиеся, как земля в засуху, кожаные доспехи, кирасы, покрытые ржавчиной, словно коростой, бесформенные горы старых сапог, похожих на высохшие трупы неведомых существ. Везде — паутина, толстая, как войлок, седая от пыли, с висящими в ней мёртвыми комьями — пылевыми коконами, хранящими тайны давно умерших насекомых. И в самом центре этого царства распада, за грубым столом, сколоченным на скорую руку из ящичных досок, восседал его хранитель.

Отто не соответствовал ни одному романтическому образу старого воина. Он был обломком, щепкой, выброшенной на берег времени. Невысокий, жилистый, сгорбленный так, будто нес на своих узких плечах невидимый груз всех лет, всех грехов и всех разочарований, что скопились в этой яме. Его волосы, когда-то, возможно, тёмные, теперь были цвета грязной стали и засаленного полотна, сбиты в неопрятные, жирные пряди. Лицо — изрезанное морщинами, глубинными и резкими, как высохшее русло горной реки на карте нищеты, с обвисшей, дряблой кожей на щеках и запавшими, но невероятно, пугающе живыми глазами. Сейчас эти глаза были затянуты мутью — то ли от недавнего сна, то ли от очередной дозы алкогольного забвения. Образ дополняла борода, которую по ощущениям подравнивали топором. На

нём болталась форма «Серых плащей», но такая же мёртвая, как и всё вокруг: выцветшая до неопределённого серо-бурого цвета, с оторванными пуговицами, заплатами, грубо пришитыми суровыми нитками, пропитанная тем же перегаром и потом. Перед ним на столе стояла почти пустая стеклянная бутылка без этикетки и гранёный стакан с мутными остатками на дне.

Сандор переступил порог, а старик даже не повернул головы. Он смотрел куда-то в пространство перед собой, сквозь стены, сквозь годы, словно видел там нечто бесконечно более интересное и важное, чем очередной визитёр.— Закрой, мать твою, дверь, — проскрипел Отто. Голос оказался именно таким, каким Сандор слышал его вчера: низким, хриплым, будто пере-сыпанным битым стеклом, пеплом и горечью. — Сквозняк. И так продувает.

Сандор толкнул дверь. Громкий скрип прозвучал в тишине, как крик.— Сержант Сандор. По приказу капитана, для получения нового обмундирования, соответствующего званию, — отчеканил Сандор, стараясь вложить в голос официальную твёрдость, неуместную в этом царстве абсурда.

Отто медленно, с видимым усилием, словно каждая кость стонала от неподвижности, повернул к нему голову. Его серые, цвета зимней слякоти глаза, скользнули по фигуре Сандора — от замызганных сапог до напряжённого лица — оценивающе, без тени интереса, как смотрят на очередной предмет, подлежащий инвентаризации.— А... Этот мальчишка прислал, решил так свой характер показать — пробормотал он. — Новоиспеченный сержантик. Грезил, хоть сегодня обойдусь без вашего брата, назойливого, как мухи у помойки. Ан нет. — Он хрипло рассмеялся, и смех тут же перешёл в приступ сухого, лающего, раздирающего кашля. Отто схватился за грудь, выпрямился, откашлялся и вытер губы тыльной стороной ладони. — Ну что ж, получит своё. Сапоги... плащ... перчатки... — он безучастно, почти с отвращением махнул рукой в сторону одного из стеллажей, где груда тёмной ткани ничем не отличалась от окружающего хлама. — Ройся. Бери, что приглянется. Всё одно — рваньё и ветошь, одна видимость.

Раздражение, знакомое, едкое, начало подниматься в груди Сандора. Он подошёл к указанному стеллажу, сгрёб первую попавшуюся пару сапог. Кожа была твёрдой, негнушейся, как камень, со складками-трещинами, готовыми превратиться в дыры. Плащ, который он потянул следом, был выцветшим до белизны в некоторых местах, с проплешинами и грубыми штопками. Это не было обновлением. Это было откровенным издевательством, проверкой на покорность.— Капитан говорил о новом обмундировании. Соответствующем. Сержантскому званию, — произнёс Сандор, бросая сапоги обратно в кучу. Голос прозвучал жёстче, чем он планировал.

Отто причмокнул губами, наливая в стакан последние, густые капли из бутылки. Жидкость была мутной, цвета мёда, разведённого в грязной воде.— Звание? Ага. Вижу, Аж глаза блестят. А тут... — он обвёл рукой полукругом, — тут всё одно — дерьмо на дерьме. Как и везде в этом королевстве, сержантик. Разница только в запахе и консистенции. Здесь пахнет тленом и ржавчиной. А там, вон, в Креатосе, — он кивнул куда-то вверх, будто пробивая взглядом камень, — пахнет разложением, но прикрытым дорогими духами и пудрой. И те, и другие воняют смертью. Просто здесь она честнее. Привыкай нюхать. Различать оттенки.

Сандор сжал кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в загрубевшие ладони. Этот старый, пропитой циник был отвратителен. Но вчерашний разговор, украдкой подслушанный, не давал покоя. В этом человеке, в этом сгустке презрения, была тайна. Знание. Что-то, чего капитан, железный и непреклонный, боялся и опасался.— Капитан обмолвился... что вы служили с его отцом, — начал Сандор, меняя тактику, пытаясь нащупать хоть какую-то человеческую струну. — Должно быть, вы многое повидали. Наверное, знаете о... о механизмах, о кристаллах куда больше, чем пишут в уставах для черни.

На мгновение в мутных, заплывших глазах Отто мелькнула искра. Не интереса, не ностальгии, а чего-то другого — едкой, язвительной насмешки, смешанной с глубочайшим

презрением.— Кристаллы? — он растянул слово, словно пробуя его на вкус, как гурман пробует дорогое вино, и находя его отвратительным. — О, да, сержантик. Я знаю о кристаллах. Знаю, что вы, сопляки, не имеете о них ни малейшего понятия. Воображаете, будто это батарейки для ваших игрушечных мечей и щитов? Красивые камушки, которые дают силу по мановению руки аристократа? — Он фыркнул, и звук был похож на шипение лопнувшего меха. Допил остатки, поставил стакан с глухим стуком. — Вы даже не подозреваете, на чём стоите. На какой древней, чудовищной кости воздвигнут ваш блестящий, технократический Гиперион. Но тебе-то что? Чтобы лучше драить пряжку? Или чтобы, наконец, понять, как тебя надули, когда всучили эти железные побрякушки? — Он язвительно кивнул на наплечники Сандора.

— Чтобы выжить! — вырвалось у Сандора резко, с неожиданной для него самого горячностью. — Чтобы в следующий раз, когда из темноты выйдет очередной... такой, с руками, что режут воздух, я не был размазан по стене, как те несчастные сержанты! Чтобы у меня был шанс! Хотя бы просто устоять на ногах!

Отто замер. Всё его существо, только что расслабленное и пропитанное апаией, вдруг сфокусировалось. Взгляд стал острым, пронзительным, сканирующим. Он медленно отодвинул стакан и облокотился на стол, костяшками пальцев упёршись в грубую древесину.— Выжить... — повторил он задумчиво. — Интересное слово. Все его хотят. Но мало кто понимает его цену. Ты думаешь, знание о кристаллах поможет выжить? Оно, мальчик, может заставить тебя захотеть сдохнуть. Потому что пока не знаешь — спишь в уютной колыбели лжи. Узнаешь — проснёшься в холодной постели правды. А правда... она тяжелее любой кирасы. Она давит не на плечи. Она давит на разум. На душу, если она у тебя ещё осталась. Сводит с ума медленно, но верно. — Он помолчал, его взгляд будто смотрел сквозь Сандора, в какие-то далёкие, страшные воспоминания. — Но ты, я смотрю, настырный. Как и тот, твой капитан, в молодости. И его отец. Все вы, молодые идиоты, лезете, лезете куда не надо, будто смерть — это приз в игре. Ну что ж... — Он вдруг поднялся.

Движение было неожиданным. Ещё секунду назад он казался дряхлым, едва живым. Теперь же встал — плавно, без суеты, с пугающей, неестественной для его вида лёгкостью. Он обошел стол и встал напротив Сандора. Запах от него ударил с новой силой — перегар, пот, пыль, и под всем этим — что-то холодное, металлическое, как запах старой, чистой стали.— Предлагаю сделку, сержантик, — прохрипел Отто. — Ты жаждешь секретов? Хочешь правды, энциклопедических знаний? Я дам тебе шанс. Бой. Здесь. Сейчас. Голыми руками. Без дурацких доспехов. Если положишь меня на лопатки — расскажу один, всего один маленький, но сочный секрет о кристаллах. Такой, что твой уютный мирок перевернётся с ног на голову. Если же... — в его глазах вспыхнул знакомый, циничный огонёк, — если уложу я тебя — ты покупаешь мне выпивку. Самую лучшую, какую только найдёшь в этой дыре. И будешь покупать. Каждую получку. До конца моей жалкой жизни. Или до твоей, что, уверяю, куда вероятнее. Согласен?

Предложение было чистым безумием. Худой, пьяный старик, который, казалось, развалится от порыва ветра, против него — закалённого фабричной работой и армейской муштрой, молодого, сильного, полного ярости и обиды. Но что-то в самой позе Отто, в этой внезапной собранности, в его взгляде, сбросившем пелену, кричало об опасности. Это был не вызов. Это была ловушка. Сандор вспомнил отчаянный шёпот капитана: «Ты погубишь нас обоих». Этот старик был не тем, за кого себя выдавал. Гораздо больше. И гораздо опаснее.— Боишься, орлёнок? — язвительно протянул Отто, и на его губах играла кривая усмешка. — Боишься проиграть старикашке-пропойце? Тогда делай, что пришёл — хватай свою рвань и проваливай. И не суй свой нос в дела, которые пахнут старой кровью и прахом. Твоё место — маршировать и слушаться.

Вызов был брошен прямо в лицо. Гордость, та самая, которую он пытался задавить, взметнулась пламенем. Ярость от беспомощности перед магом, стыд от поражения, отчаяние

от понимания собственной слабости — всё это слилось в единый, жгучий клубок. — Хорошо, — коротко бросил Сандор, встряхивая руками. — Держись, старик. Не обижайся потом.

Бой начался не так, как ожидал Сандор. Он не бросился в яростную, слепую атаку. Сделал шаг вперёд, пытаясь сохранить дистанцию, оценить противника. Отто стоял, слегка сгорбившись, руки висели вдоль тела свободно, расслабленно. Его стойка не была боевой — она была... естественной. Как будто он был не человеком, а частью этого хаоса — таким же непредсказуемым и опасным. Сандор решил закончить быстро, без церемоний. Резкий выпад вперёд, цель — схватить старика за плечо, использовать свой вес и силу, бросить его на пол, придавить. Его рука, сильная, с рельефными мышцами, вытянулась, пальцы сжались в захват... И схватили пустоту. Отто даже не отпрыгнул. Он сдвинулся. Всего на дюйм, повернув корпус с непостижимой, почти призрачной лёгкостью. Рука Сандора пролетела в сантиметре от его потрёпанной куртки. И в тот же миг Сандор почувствовал лёгкое, почти невесомое касание своей выставленной вперёд лодыжки. Не удар, а точное, быстрое движение. Он не успел понять, что происходит, как центр тяжести сместился, равновесие было безнадежно потеряно. Он тяжело, с глухим стуком, рухнул на спину, подняв целое облако вековой пыли. Боль была не сильной — больше от неожиданности и унижения. Удар был не в мускулы, а в саму идею его превосходства.

Ошеломлённый, Сандор откашлялся от пыли и попытался подняться. Отто не воспользовался моментом. Он стоял на том же месте, смотря на него сверху вниз с тем же скучающим, почти жалостливым выражением. — Ну? Ждёшь письменного приглашения? — проворчал он.

Ярость, горячая и слепая, ударила в голову. Сандор вскочил, уже не думая о технике, о чём-либо. Он просто ринулся вперёд, нанося серию грубых, мощных ударов кулаками — таких, какими когда-то сдвигал заклинившие заготовки на фабрике. Они были сильными, размашистыми, рваными. Отто не блокировал. Он уходил. Казалось, он читал каждое движение Сандора ещё до того, как мышцы напрягались. Лёгкий наклон головы — и кулак пролетал в миллиметре от виска, унося с собой силу и баланс. Короткий, шаркающий шаг в сторону — и Сандор проваливался в пустоту, его инерция работала против него. Это не было сражением. Это была демонстрация. Унизительная, безжалостная демонстрация пропасти между грубой, животной силой и холодным, отточенным мастерством, в котором не было ни грамма лишнего. Через минуту Сандор уже тяжело, со свистом дышал, его тело покрылось липким, холодным потом, мышцы горели от бесполезного напряжения. Отто же, этот старый пьяница, даже не вспотел. Он лишь слегка участил дыхание. — Надоело, — хрипло констатировал Отто. В его голосе не было ни злорадства, ни усталости — только скука. — Давай закончим эту комедию.

И он, впервые за весь бой, сделал шаг вперёд. Для Сандора, измученного и взбешённого, это был шанс. Последний шанс. Он собрал остатки сил, оттолкнулся от пола и бросился навстречу, пытаясь сбить старика с ног всем своим весом, задавить, наконец, этой грубой массой. Это была роковая ошибка. Отто встретил его не отступлением, а рывком вперед. Он не отклонился, а проскользнул в пространство атаки, оказавшись так близко, что Сандор почувствовал на лице его горячее, перегаром пропахшее дыхание. Движения рук старика были столь быстрыми, сложными и точными, что глаз не успевал за ними. Это не было фехтованием. Это была механика. Сандора ощутил, как его собственная инерция, его вес, его сила были схвачены, перенаправлены и обращены против него. Запястье, локоть, плечо — каждое сочленение было взято под контроль, скручено под неестественным углом. Мир перевернулся в глазах. Он взлетел в воздух, перевернулся через неожиданно ставшую твёрдой, как стальная балка, спину старика и с оглушительным, рёвущим грохотом приземлился спиной прямо на тот самый грубый стол. Древесина не выдержала, с треском разлетелась под ним на щепки и обломки. Боль, острая и всеохватная, пронзила спину, рёбра, легкие выдохнули воздух со свистом. Он лежал среди развалин, глядя в закопчённый, пропахший паутиной потолок, слыша в ушах высокий

звон и тихие, похожие на скрип несмазанных колёс, звуки — смех ли это был Отто или просто стоны старого здания, он не понял.

— Вот и всё, сержантик, — раздался сверху тот же хриплый голос. Отто стоял над ним, заслонив тусклый свет лампы. Он даже не запыхался. — Ты силён. Как заводной пресс. Упрям. Как ишак. И глуп. Как пробка от той бутылки. Ты воображал, что пара недель, проведённые в дерьме и поту, дают тебе силу? Они дают только мозоли на руках и горечь в сердце. Настоящая сила... — он легонько ткнул себя костлявым пальцем в висок, — здесь. И здесь, — ткнул в место под рёбрами, в солнечное сплетение. — Воля действовать. А у тебя пока там только фанатизм новобранца и отчаяние загнанного зверя. Смесь бесполезная и опасная. В основном — для тебя самого.

Сандор, скрипя зубами от боли и унижения, сел. Ему казалось, что позвонки сместились. Его мир, его уверенность в том, что он хоть чего-то стоит, что он закалён и готов, рушилась, как тот самый стол. Этот немощный с виду старик только что разобрал его, как ребёнок разбирает незамысловатую игрушку. Без усилия. Без напряжения. Кто он, чёрт возьми, такой? Бывший сержант? В эту сказку теперь верилось с трудом. Так не дерутся в армии. Армия учит грубой силе, строю, дисциплине. Это было что-то иное. Что-то старое, забытое, отточенное до бритвенной остроты и спрятанное здесь, в этой куче хлама, как самый ценный и самый опасный артефакт. — Так что... насчёт выпивки, — подвёл черту Отто, возвращаясь к своему уцелевшему стулу и с сожалением разглядывая осколки разбитой бутылки. — Каждую получку. Не вздумай забыть. А теперь, если твои кости ещё хоть как-то держатся вместе, убирайся вон. Напустил пыли, разворотил мебель... Хозяйство разорил.

Сандор, шатаясь, поднялся на ноги. Каждая мышца протестовала, в спине горел огнём ушиб. Он не сказал ни слова. Просто развернулся и, ковыляя, вышел, с силой хлопнув той самой скрипучей дверью. Физическая боль была ничто по сравнению с жгучим стыдом, сокрушительным ударом по гордыне и с тем леденящим, растущим, как кристалл льда в груди, осознанием: он ничего не знает. Ни о мире, ни о настоящей силе, ни о том, как в этой мясорубке выжить по-настоящему. Его сержантские наплечники, его вымученная стойкость, его фабричная закалка — всё это оказалось карточным домиком, который первый же настоящий ветер разнёс в клочья. Ветер в лице либо неведомого мага из тоннелей, либо этого странного, страшного старика, пахнувшего смертью и тайной.

Весь оставшийся день Сандор провёл в состоянии, близком к прострации. Он сидел в тенистой арке у стены плаца, механически наблюдая, как рота отрабатывает строевые приёмы, как новобранцы, красные от напряжения, таскают тяжести. Он видел их усилия, их пот, их нарочитую грубость. И всё это теперь казалось ему нелепой, детской вознёй. В голове, снова и снова, прокручивались движения Отто. Их невероятная экономичность. Их смертоносная, пугающая эффективность. Они не были красивыми или зрелищными. Они были совершенными в своей утилитарности. Как движение идеально смазанного механизма, в котором нет ничего лишнего, только функция. Этот старик был мастером высочайшего класса. И он гнил здесь, на забытом всеми складе, топя свой невероятный дар в дешёвой, вонючей сивухе. Почему? Что он скрывает? От кого?

К вечеру, когда солнце, кроваво-красное из-за вечного смога, начало сползать за зубцы стен, окрашивая серый камень в багровые и лиловые тона, Сандор пришёл к единственно возможному решению. Гордость? Её не осталось. Была лишь жгучая, животная необходимость. Стать сильнее. Не для карьеры, не для уважения в глазах таких же, как он. Для того, чтобы в следующий раз не лежать разбитым среди обломков чужой мебели и собственных иллюзий. Чтобы не быть беспомощной тряпкой в руках следующего мага, следующего монстра, следующего Крига с купленными привилегиями. Чтобы иметь хоть какой-то шанс защитить себя. И, возможно, со временем, тех немногих, кто стал ему чем-то ближе, чем просто сослуживцы.

Он снова пришёл к складу №7. Дверь, как и утром, была приоткрыта. Внутри, в той же жёлтой мути света, сидел Отто. Перед ним стояла новая, только начатая бутылка. Казалось, он его ждал.— Принёс аванс за будущие поражения? — хрипло спросил старик, не глядя на него.— Нет, — твёрдо сказал Сандор, останавливаясь на пороге. Голос звучал глухо, но без дрожи.— Я пришёл просить.— Просить? Меня? — Отто медленно повернул к нему лицо, и на губах его играла всё та же кривая усмешка. — Проси денег у богатых, милости у сильных, пощады у победителей. У меня нет ничего из этого. Только пыль, тлен и это, — он потыкал пальцем в бутылку.— Я прошу взять меня в ученики.

Тишина повисла оглушительная, абсолютная, нарушаемая лишь тихим жужжанием мухи, бьющейся о стекло лампы. Затем Отто издал звук, средний между смехом и предсмертным хрипом.— Ученики? Мне? Ха-ха-ха! Ты окончательно спятил, мальчик. Я — кладовщик. Пьянь заслуженная. Отброс общества, которому дали койку и паёк из милости, чтобы не вонял на улицах. Чему я могу тебя научить? Как отличить выдержанный самогон от палёной сивухи? Как проспать тревогу и не получить по шее? Иди отсюда. Не смейся мои кости.

— Вы можете научить меня драться, — не отступал Сандор, шагнув внутрь. Пыль снова закружилась в луче света, будто встревоженная его решимостью. — Так, как вы это делаете. Не так, как учат сержанты на плацу. Не для строя и не для парада. По-настоящему. Чтобы выжить. В схватке. Мне это... необходимо. Чтобы выжить здесь. В этом аду.

Отто перестал ухмыляться. Он откинулся на спинку стула и пристально, не моргая, уставился на Сандора. Его мутные глаза снова стали острыми, сканирующими, проникающими сквозь кожу, плоть, прямо в душу. Он видел не сержанта в новой форме. Он видел отчаяние, выжженное дотла. Видел решимость, рождённую на пепелище гордости. Видел ту самую необходимость, чистую и голую, которая, возможно, много лет назад горела и в нём самом.— Выжить... — протянул он задумчиво, и в голосе впервые не было ни цинизма, ни насмешки. Была усталая, бездонная тяжесть. — Все его хотят. Но почти никто не понимает, что за этим словом скрывается. Это не жизнь, мальчик. Это процесс. Бесконечный, изматывающий процесс отсечения всего лишнего, всего человеческого, ради одной цели — остаться на плаву ещё один день. Цена за это знание... она неподъёмна. Ты отдашь за него часть себя. Ту, что ещё осталась мягкой, живой, способной чувствовать что-то кроме злобы и страха. Готов ли ты к такому обмену?— У меня нет выбора, — ответил Сандор просто и страшно честно. Он не пытался казаться героем. — Я уже отдал часть себя, когда подписал контракт. Отдал, когда надел эту форму. Остальное... остальное просто вопрос времени. Лучше потратить это время с пользой.

Отто медленно, тяжело кивнул. Он потянулся к бутылке, сделал долгий, обжигающий глоток, поставил её на стол с глухим, финальным стуком.— Скучно... стало в последнее время, — пробормотал он, глядя куда-то в пустоту, разговаривая скорее с призраками прошлого, чем с живым человеком перед ним. — Одно и то же. Пыль. Тлен. Воспоминания, мать их за ногу... Может, и правда, стоит размять старые кости.— Он перевёл свой тяжёлый, пронизывающий взгляд на Сандора. В его глазах светилась странная, сложная смесь — вечного цинизма, скуки смертельно уставшего человека, и где-то в самой глубине, под толстым слоем льда, слабого, почти угасшего огонька чего-то, что можно было принять за интерес. Или за последнюю вспышку давно забытой надежды. — Ладно. По рукам, сержантик. Но вбивай в свою твердолобую башку три вещи, от которых будет зависеть, останешься ты живым или тебя вынесут отсюда в мешке. Первое: я не друг тебе, не наставник и не товарищ. Второе: ты будешь делать то, что я скажу. Без рассуждений, без вопросов, без пререканий. А вопросы... за них отдельная, особая плата. И третье, самое главное: ты никому не скажешь, кто тебе это показывал. Это не просто секрет. Это — правило. Нарушишь его — я найду тебя, сломаю обе ноги в коленях и брошу в самую глубокую сточную канаву Айронфорджа. И буду спокойно пить, слушая, как ты там захлёбываешься. Договорились?

Сандор почувствовал, как холодная, тошнотворная волна страха, смешанная с острым предвкушением, подкатила к горлу. Он стоял на пороге. За ним — знакомый ад муштры, унижений и беспомощности. Впереди — тёмная, неизведанная тропа, ведущая в непроглядный мрак, из которого, возможно, нет возврата. Но это был путь вперёд. Единственный, который он видел. — Договорились. — Ну что ж... — Отто снова причмокнул, и в этот раз это звучало почти как ритуал. — Приходи когда будет время. Я буду здесь. А сейчас... ступай, купи-ка мне ещё одну бутылку. Такой же. На первые уроки. Ученик должен с чего-то начинать. И платить авансом.

Сандор, не проронив больше ни слова, развернулся и вышел. На этот раз скрип двери прозвучал иначе. Не как стон заброшенного места, а как скрип открывающейся тяжелой, неподъёмной крышки. Крышки гроба его старых надежд или ящика Пандоры — он ещё не знал.

Глава 7. Маленькие перемены.

Жизнь в ранге сержанта оказалась не возвышением, а смещением центра тяжести. Преемное ярмо рядового — тупое, безличное давление системы — сменилось иной, более изощренной ношей: ответственностью за других. Теперь он был не просто винтиком, а мелкой, но ключевой шестерёнкой, вынужденной сцепляться с другими, приводить их в движение и отвечать за их исправность. Утро начиналось не с окрика дежурного, а с необходимости самому построить своих людей, проверить их снаряжение и отчитаться перед лейтенантом, пока что другим, ибо Криг всё ещё давил кровать в лазарете, о готовности к патрулю или работам. Иерархия «Серых плащей» проявилась во всей своей негибкой, чугунной и подавляющей простоте. Прямо над ним висели лейтенанты — офицерский костяк, часто, как Криг, купившие свои должности. Выше — три капитана, каждый — властелин своего участка форта и сектора города, фигуры, приближенные к командованию и обладающие правом жизни и смерти в пределах своего подразделения. На самой вершине этой пирамиды из стали и дисциплины восседал Командующий ордена, седовласый ветеран с лицом из выветренного гранита, чьи редкие появления на плацу заставляли замирать даже самых заслуженных сержантов и офицеров. И где-то в самом низу, между рядовой массой и первым командным звеном, находился он — сержант Сандор. Звание, дававшее мнимую власть над тремя человеческими жизнями и стократную ответственность перед всеми, кто был выше. Его затягивало в эту механическую пирамиду, и каждый день он чувствовал, как на плечи, уже привыкшие к тяжести балок и ружейных приёмов, ложится новый, невидимый груз — груз чужих судеб, который он теперь был обязан тащить вверх по этой скользкой лестнице.

Его отряд, его троица, формально стала подчиняться ему, но реальность, как и всё в этом мире, оказалась сложнее игрушечной схемы устава. Торан принял это как естественный порядок вещей. В его простой, прямолинейной вселенной сила и право отдавать приказы были неразделимы. Сандор получил его уважение не званием, а поступком в схватке с магом и той непоказной твёрдостью, которую Торан чувствовал. Теперь «сержант» было для него не титулом, а обозначением функции источника приказов. Получив чёткую задачу, Торан превращался в идеальный инструмент — неостановимый, молчаливый, непоколебимый. Элиас отнёсся к повышению товарища с прохладным, аналитическим одобрением. Он мгновенно вычислил тактическую выгоду: свой человек на сержантской должности — это глаза и уши чуть выше в иерархии, это щель в системе, через которую можно получить чуть больше свободы, информации, а значит — шансов. Он стал теневым тактиком, подходя после вечерних проверок и набрасывая карандашом на клочке бумаги оптимальные маршруты патрулей, которые пролегли мимо раскулаченных трактиров, где болтали подвыпившие мастера, или через кварталы, где после подавления последнего бунта напряжение висело в воздухе, густое, как заводской смог. Виллам оказался самой сложной фигурой. Его дворянское, хоть и истрёпанное судьбой, самолюбие первое время ёрзало, как узник в наручниках. Он ловил себя на интонациях, чуть более снисходительных, чем допускал устав, на взгляде, оценивающем потрёпанные края сандоровского плаща. Но прагматик, выкованный годами бедности и борьбы за остатки статуса, в нём быстро победил спесивого аристократа. Виллам первым начал безупречно отдавать честь и обращаться «сержант» не только при старших, но и в их узком кругу. Он понял простую истину: железная, демонстративная дисциплина внутри их маленького отряда укрепляет его авторитет как целого, а значит, и его собственный вес в глазах системы. Он стал их щитом перед бюрократией, мастером по заполнению бессмысленных бумаг и обходу острых углов уставных конфликтов. Так, за неделю, сформировался не приказной, а органический, почти симбиотический порядок. Сандор был формальной главой, принимающим на себя удары системы и отдающей приказы. Торан — несущей стеной, щитом и тараном. Элиас — нервной системой,

глазами, ушами и стратегом. Виллам — дипломатом, смазкой для шестерёнок и защитником от ядовитых испарений казарменной политики.

Патрули стали мерилom их дней. Время текло не часами, а километрами вымощенных булыжником и утопанных в липкую кашу улиц Айронфорджа. Они ходили разными маршрутами, и Сандор учился читать город как живую, больную, дышащую ткань. Глухая, злоецащая тишина в переулке у давно закрытой красильни — верный признак либо засады грабителей, либо тайной сродки недовольных. Слишком оживлённые, нервные, обрывающиеся при их появлении разговоры у единственной на квартал водозаборной колонки — признак почвы, готовой вспыхнуть новым бунтом. Он учился отличать обыденный, бытовой гнев от той особой, тлеющей ненависти, что пахла не просто потом, а дымом и будущей кровью. Его сержантские наплечники теперь вызывали не одно лишь слепое презрение. В глазах, мелькавших в темноте подворотен, он ловил целую гамму: страх, ненависть, расчётливую надежду («а вот этот, может, и не такая сволочь, как остальные»), а иногда — ту самую бездонную усталость и отчаяние, что когда-то гнали его самого в кабацкую вербовку. Это знание жгло его изнутри, как кислота. Он был частью машины подавления, но видел в подавляемых себя самого. Это противоречие стало его новой, постоянной внутренней пыткой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.